

-53-

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН КАЗАХСКОЙ ССР

На правах рукописи.

Д. А. ПАВЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО КАЛМЫЦКОМУ ЯЗЫКУ
И ПИСЬМЕННОСТИ

ДОКЛАД

об опубликованных и выполненных работах по калмыцкому языку и письменности, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Алма-Ата, 1971

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН КАЗАХСКОЙ ССР

На правах рукописи.

Д. А. ПАВЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО КАЛМЫЦКОМУ ЯЗЫКУ
И ПИСЬМЕННОСТИ

ДОКЛАД

об опубликованных и выполненных работах по калмыцкому языку и письменности, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Библиотеке
Калмыцкого института

Дорогой мне и всем
нам сокровищнице зна-
ний с благодарностью
Д. Павлов

22.10.71

Алма-Ата, 1971

-53-

Работа выполнена в Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории.

Учреждение, давшее внешний отзыв — Калмыцкий государственный университет.

Официальные оппоненты:

1. Санжеев Г. Д. — доктор филологических наук, профессор.
2. Мусабаев Г. Г. — член-корр. АН КазССР, доктор филологических наук, профессор.
3. Кайдаров А. Т. — доктор филологических наук.

Доклад разослан « » 1971 г.

Защита диссертации состоится « » 1971 г.
на заседании Объединенного Совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР.

С работами можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке АН Каз. ССР.

Отзывы и замечания просим направлять по адресу: г. Алма-Ата, 91, Шевченко, 28, Институт языкознания АН Каз. ССР.

Ученый секретарь Совета,
доктор филологических наук

М. Т. Дуйсенов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Направление и характер научно-исследовательской работы соискателя определялись возросшей необходимостью теоретической и практической разработки проблем калмыцкого языка и его письменности. Это диктовалось бурным развитием школьного дела, науки и культуры калмыцкого народа.

Работая свыше 30 лет в системе народного образования и в научно-исследовательских учреждениях по калмыцкой филологии, автор принимал непосредственное участие в разработке важных вопросов языкового строительства в Калмыкии.

В данном докладе обобщены итоги многолетней работы автора по калмыцкому языку и письменности. На конкретном материале показано, как вместе со становлением калмыцкой народности, а затем и нации, формировался и развивался калмыцкий литературный язык. Автором предложена периодизация развития литературного языка, выявлены основные функции литературного языка в советское время. Диалектная база калмыцкого литературного языка и вопросы развития лексики рассмотрены в плане становления единых литературных норм.

При разработке указанных вопросов автор опирался на работы Б. Я. Владимирцова¹, Г. Д. Санжеева², Т. А. Бертагаева³, С. А. Козина⁴, Ю. Д. Дешериева⁵, В. Л. Котвича⁶ и

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929 г.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, М., 1953 г.

³ Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961 г.

⁴ С. А. Козин. Эпос монгольских народов, М., 1948 г.

⁵ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в Советском Союзе, М., 1966 г.

⁶ В. Л. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Петроград, 1915. Прага, 1929.

других авторов, в определенной степени занимавшихся вопросами развития калмыцкого литературного языка.

В исследовании звукового строя современного калмыцкого языка, особенно вопросов, относящихся к исторической фонетике калмыцкого языка, большое значение имели труды А. В. Попова, А. А. Бобровникова, Г. И. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, Г. Д. Санжеева и других известных монголистов, внесших большой вклад в монголистику. Об их роли в изучении калмыцкого языка сказано в соответствующих местах трудов автора.

В работе автора «Состав и классификация фонем калмыцкого языка», изданной в 1963 году, впервые на основе экспериментального исследования определен фонемный состав современного калмыцкого литературного языка. В дальнейшем ряд положений, изложенных в этой монографии, был уточнен и развит. При этом были учтены отдельные замечания П. Ц. Биткеева¹.

Продолжив изучение фонетики калмыцкого языка на основе инструментального исследования в Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ при непосредственной консультации Л. В. Бондарко, а также Л. Р. Зиндер, автор подготовил и издал в 1968 году монографию «Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика». В этой работе более четко определены ранее изложенные автором фонематические признаки, на основании которых установлен фонемный состав современного калмыцкого языка. Кроме того, дано подробное описание состава гласных и согласных, выявлены закономерности появления звуков в потоке речи и различные типы ассимиляции звуков, определены структура калмыцкого слога, принципы слогоделения, место и роль редуцированных гласных в образовании слога, выявлена природа калмыцкого ударения.

В указанной работе дан значительный иллюстративный материал — 40 палатографических, 31 рентгенографических, 107 кимографических, 25 кинофотографических, 8 осциллографических рисунков, 1 карта, 2 таблицы алфавита и 7 других иллюстраций.

Все те выводы, которые изложены в соответствующих разделах фонетики, являются результатом экспериментально-фо-

¹ П. Ц. Биткеев, «Согласные фонемы калмыцкого языка». Улан-Удэ, 1965 г.

нетического исследования и личных наблюдений автора, позволивших собрать богатый фактический материал для теоретических обобщений и описаний звуковой системы современного калмыцкого языка.

При исследовании отдельных вопросов исторической фонетики калмыцкого языка автором впервые были привлечены биография Зая-Пандиты «Сарин гэрэл» (Луч луны), переводы Зая-Пандитой буддийских сочинений «Алтан гэрэл» (Золотой блеск), Дорджи Джодба (Жезл пресечения), а также были впервые использованы рукописные калмыцкие словари А. Соколова и анонимный, хранящиеся в рукописном фонде Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Эти работы, изложенные на «Тодо бичиг», явились надежной основой для изучения вопросов, связанных с исторической фонетикой калмыцкого языка. Это позволило соискателю установить фонемный состав калмыцкого языка середины XVII века и ряд других интересных явлений исторической фонетики калмыцкого языка. В частности, выявлены закономерности губной ассимиляции гласных, определены основные этапы развития долгих гласных, природа дифтонгов, их развитие в монофтонги и становление ряда новых фонем.

В докладе кратко освещены работы автора по калмыцкой письменности. В статьях «К вопросу о создании «Тодо бичиг», «Зая-Пандита — создатель калмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка» дано исследование старокалмыцкой письменности.

О современной калмыцкой письменности говорится в книгах автора «Правила калмыцкой орфографии», «Орфографический словарь калмыцкого литературного языка» и в ряде других работ. Эти труды явились плодом многолетней работы по унификации калмыцкой письменности на научной основе, в которой автор принимал непосредственное участие.

В докладе автор на основе своих исследований дает обобщающие выводы и заключения, которые являются следствием его работы по изучению теоретических и практических вопросов калмыцкого языка и письменности.

Представленный доклад вместе с тем является в определенной мере результатом изучения наследия ученых-монголистов и калмыковедов, внесших большой вклад в калмыковедение.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

КАЛМЫЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Калмыки — народ монгольского происхождения. Их историческое самоназвание — ойраты.

По свидетельству известного персидского ученого Рашид-ад-дина (1247—1318), ойраты еще в начале XIII века несколько отличались по своему языку от остальных монголов. Он писал: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он (все же) имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен; (ойраты) всегда имели государя и вождя...».¹

После падения Юаньской монгольской династии в Китае ойраты, составлявшие союз ойратских поколений еще до покорения их Чингис-ханом, с конца XIV века стали жить независимо, занимая обширную территорию в Западной Монголии и Тарбагатае. С середины XV века становится известной политическая история ойратов под названием «Дорбен ойрат», то есть как четырехединый ойратский каганат.

Образование Джунгарского, или Ойратского, ханства способствовало процессу сложения ойратской народности, сопровождавшемуся развитием ойратского языка, устного народного творчества, искусства и литературы в целом. Ойратская литература, как отмечает академик С. А. Козин, «отпочковалась от единой монгольской литературы XIV—XV столетия, хотя все еще оставалась на базе единой монгольской письменности».²

Ойратский язык, начавший самостоятельное развитие с конца XIV века, оформился как особый язык в конце XVI

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, М., т. I, стр. 118—119.

² С. А. Козин. Джангариада, Л., 1950, стр. 13.

и в начале XVII веков. Формирование ойратского языка происходило параллельно с процессом консолидации ойратов в особую народность, и язык, будучи одним из основных признаков народности, подтверждает завершение этого процесса. Проф. Г. Д. Санжеев отмечает, что процесс образования самостоятельных монгольских языков в основном протекает в XIV—XVII столетиях, а на рубеже XVI и XVII веков завершается процесс сложения современной грамматической системы монгольских языков и образование долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных б, н, г и й¹. В этот период происходит так называемый третий перелом гласного и, что и влечет за собой существенную эволюцию и в фонетическом облике языка ойратов.

К периоду возникновения Джунгарского государства в языке ойратов произошли большие изменения фонетического и морфологического порядка. Ойратский язык пополнился значительным количеством заимствований из санскрита, китайского, тибетского, тюркских и других языков.

Большие изменения, происшедшие в языке ойратов, получили свое отражение в старокалмыцкой или зая-пандитской письменности. Новая письменность, созданная Зая-Пандитой зимой 1648 года, оказалась способной точно отразить происшедшие в языке изменения и стала служить не только для нужд государственной переписки и буддийской церкви, но и явилась хранителем литературного языка.

Огностительное единство ойратских говоров позволило Зая-Пандите создать не только совершенную письменность, но и литературный язык, по своему стилю и богатству языковых форм не уступающий ни одному из письменных языков той эпохи.

Общеойратский литературный язык был понятен всем членам ойратского общества, так как он возник на базе общенародного живого разговорного языка и языка устного народного творчества ойратов. С созданием новой письменности и литературного языка быстро стала развиваться общеойратская литература как среди ойратов Джунгарии, Кукунора, так и среди калмыков в России.

Итак, в развитии калмыцкого литературного языка нами определено три периода: ранний, или общемонгольский, период, охватывающий XIII и XIV века. Этот период характе-

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 16.

ризуется тем, что язык ойратов представляет собой один из диалектов монгольского языка, и ойраты пользуются обще-монгольским письменным языком. Средний период делится на два этапа. Первый охватывает конец XIV — первую половину XVII веков. В течение этого этапа формируется самостоятельный ойратский язык. Этот этап завершается в середине XVII века созданием старокалмыцкой, или зая-пандитской, письменности «Тодо бичиг».

С добровольным вхождением значительной части ойратов (торгутов, дербетов, хошутев и хойтов) в состав Русского государства, где за ними закрепилось название «калмыки», начинается второй этап среднего периода развития калмыцкого языка. Калмыки — это потомки ойратов. В России начала складываться особая калмыцкая народность. «Калмыки принесли с собой на Волгу определенные культурные навыки и традиции, приобретенные их предками в ходе многовекового исторического развития, и в том числе богатую традицию летописания и устного творчества»¹, они имели вполне сложившийся литературный язык.

Калмыцкий язык в Поволжье начал развиваться в новых исторических условиях параллельно с общеойратским языком Джунгарии. Многочисленные переводы Зая-Пандитой и его учениками сочинений с санскрита, тибетского и отчасти монгольского языков по самым различным отраслям знания: религии, философии, медицине, филологии — получили широкое распространение среди калмыков. Эти переводы способствовали развитию калмыцкого языка, закреплению созданной Зая-Пандитой медицинской, философской и лингвистической терминологии, дальнейшему обогащению калмыцкого языка разнообразной лексикой, образованной внутренними средствами самого языка, а также и заимствованной.

«Калмыцкие ученые-переводчики, — пишет монгольский академик Б. Ринчен, — внесли значительный вклад в монгольско-ойратскую литературу... Уже в первые годы существования собственно калмыцкой или ойратской письменности литературный язык калмыков был настолько разработан плеядой талантливых учеников, сподвижников Зая-Пандиты, что позволило создать блестящие переводы сложнейших философских, медицинских и других текстов, которые немыс-

¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967., стр. 396.

лимы у народа, только что создавшего знаки для изображения звуков своей речи».¹

Из переводов Зая-Пандиты видно его бережное отношение и глубокий научный подход к использованию грамматических форм, словообразующих средств не только живого родного языка, но и общемонгольского письменного языка. Он смело заимствовал и сохранял в своей письменности те грамматические формы, которых не было в родном языке и которые обогащали родной его язык.

В старописьменном калмыцком языке, являющемся одной из форм общеойратского языка, мы видим его неразрывную связь с живым общенародным разговорным языком, наличие единых фиксированных, в целом, языковых форм (в области фонетики, грамматики, лексики и синтаксиса), отмечаем разнообразие сфер его применения, распространенность его на всей территории Калмыкии.

В России калмыцкий язык становится предметом научно-го и практического изучения как русских, так и европейских ученых. Здесь было издано немалое количество литературы по разным вопросам, в том числе учебники, учебные пособия, словари, исследования по калмыцкому языку, переводы с русского языка. Впервые были записаны на старописьменном калмыцком языке Джангариада, Гессериада, Улгүриң дала, много сказок, пословиц, поговорок, переложено «Великое уложение», составлены другие важные документы государственного значения. Вся официальная переписка с царским правительством велась на старописьменном калмыцком языке. Этим письменным языком иногда пользовались в своей переписке с царским правительством и другие, соседние с калмыками народы.

Калмыцкий литературный язык получил свое дальнейшее развитие как в устной, так и в письменной форме. Происходило обогащение словообразующих средств, совершенствование грамматических форм, стилистических оборотов, что делало калмыцкий язык более стройным, богатым и гибким, способным выражать сложные человеческие мысли. Проф. А. Позднеев писал: «Современный литературный язык поволжских калмыков доселе еще остается таким же изящным, богатым своим лексиконом и своими формами, а потому и таким же строго определенным как в выражении понятий,

¹ Б. Ринчен. Ойратские переводы с китайского. Ежегодник Востоковедения, XXX, Варшава, 1966, стр. 59.

так и взаимоотношения их, каким видели мы этот язык и в прежних произведениях джунгаров, и первых выходцев на берега Волги. Живучесть форм этого языка поистине может почитаться поразительной».¹

Однако общественные функции калмыцкого литературного языка все еще оставались крайне ограниченными. Только Великий Октябрь создал все условия для подлинного развития калмыцкого литературного языка. После победы Октябрьской социалистической революции начинается новый период в развитии калмыцкого литературного языка. Калмыцкий литературный язык обретает общенародное распространение. Вместе со сложением калмыцкой нации складывается и национальный язык калмыцкого народа. Советские языковеды рассматривают становление национальных языков в неразрывной связи с процессом образования нации. «Ведь национальный язык как определенный исторический этап развития языка народа включает в себя литературный язык в его письменной и устно-разговорной формах. Он находится в сложных и изменяющихся соотношениях с внелитературными вариантами речи..., преобразуя их и приспособляя их к общим национальным нормам, к сложной стилистике единой национальной речи».² В развитие калмыцкого литературного языка внесла много ценного калмыцкая творческая интеллигенция: писатели, поэты, языковеды, литераторы, журналисты, артисты и другие работники искусства.

Замена в 1925 году старой графической системы новой, основанной на кириллице, способствовала еще большему расцвету языковой культуры калмыцкого народа. Появление новых сфер применения калмыцкого языка привело к значительному расширению его общественных функций, что, в свою очередь, вызвало его внутрискруктурное развитие. Изучение современного калмыцкого языка как в практическом, так и в теоретическом отношении, в настоящее время поставлено на широкую научную основу. Калмыцкими учеными проделана значительная работа, позволившая создать ряд ценных монографических исследований, а также различные словари, учебники и учебные пособия. Деятельность калмыцких

¹ А. Позднеев. Предисловие к «Сказанию о хождении в Тибетскую страну малодербетского База-Багши» С-Петербург, 1897, стр. 15.

² В. Н. Ярцева. Развитие литературных языков. Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 52.

языковедов, в частности и соискателя, отражена в ряде работ советских и зарубежных ученых.¹

Таким образом, калмыцкий литературный язык прошел сложный и длительный путь развития. Он развился как самостоятельный язык на основе ойратского литературного языка и сформировался в дальнейшем как язык калмыцкой народности, а затем и нации, будучи их составным элементом, на базе общенародного живого разговорного языка калмыков. Это — язык, развивший потенциальные возможности живых говоров, явившихся его базой, при благоприятном влиянии великого русского языка. Современный калмыцкий литературный язык — это национальный язык калмыцкого народа, объединяющий всю совокупность языковых средств народа. Это — язык нормированный, обслуживающий культурные потребности калмыцкого народа как в устной, так и письменной форме; это — язык печати, школьного образования, театра и радио.

Изложенное выше опубликовано в работах автора: «К вопросу о создании «Тодо бичиг» (Записки КНИИЯЛИ, выпуск II, 1962, стр. 109—132). «Современный калмыцкий язык...». 1968, стр. 3—7, «О некоторых вопросах языкового строительства в Калмыкии» (журн. «За социалистическую

¹ Т. А. Бертагаев. Калмыцкий язык. Кн. «Младописьменные языки народов СССР», М., Л., 1959 г., стр. 497—501; А. Ш. Кичиков. Калмыцкий язык. Литературная энциклопедия т. 3, 1966. А. А. Дарбеева Монгольские языки. Кн. «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 276—286; Б. Х. Тодаева. Калмыцкий язык. Кн. «Языки народов СССР», М., 1968, т. V, стр. 34—52; Г. Ц. Пюрбеев. Развитие языкознания в Калмыкии. Журн. «Вопросы языкознания», № 2, 1969, стр. 157—161; И. К. Илишкин. К вопросу развития калмыцкого литературного языка. «Ученые записки» КНИИЯЛИ, вып. 5, стр. 5—21; Ц. Д. Номинханов. Выступление на Всесоюзной конференции. Сб. «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», Алма-Ата, 1964; Ю. Д. Дешериев. К вопросу о функциональном и внутривидовом развитии младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху. Сб. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965, стр. 8—17; Н. Н. Поппе. Новые издания по калмыковедению. «Калмыцко-ойратский сборник», Филадельфия, 1966, стр. 213—220; Э. Вандуй. Дөрвөд аман аялгуу, Улан Баатар, 1965; Л. Р. Зиндер. Фонология и фонетика. В Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968; Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966, стр. 220—228; его же «Советский опыт языкового строительства и развития литературных языков», 1968. Д. А. Сусеева. Ценная книга «Советская Калмыкия» от 27/II-1969 г и другие.

культуру», № 1, 1933, стр. 50—58), «Об итогах IV языковой конференции» (сборник «IV языковая конференция», 1935, стр. 4—13), «Зая-Пандита — создатель калмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка» (сб. «320 лет калмыцкой письменности») и др.

ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Современный калмыцкий язык имеет два говора: торгутский и дербетский. В состав торгутского говора входит волжско-каспийский подговор, а дербетского — икидербетский (большедербетский) подговор.

В работе «Современный калмыцкий язык...» помещена составленная нами карта распространения калмыцкого языка. На этой карте даны границы говоров и подговоров. Заметим, что в 1970 году эта карта перерабатывалась, причем в ней дополнительно указаны названия бывших калмыцких улусов (районов) и мест расселения донских калмыков по карте Области Войска Донского 1914 года. На карте показано, что торгуты занимают территорию республики от склонов Эргенинской возвышенности, проходящей, в основном, по 45 меридиану к востоку, а дербеты — к западу от указанного меридиана. На самом юго-западе проживают икидербеты (большедербеты) — носители икидербетского подговора, а на самом востоке — носители так называемого, волжско-каспийского подговора. Этот подговор объединяет калмыков бывшего Яндыко-Мочажного и Хошутовского улусов. Носители волжско-каспийского подговора—это хошуты, местные торгуты и значительная часть калмыков, прибывших в свое время из разных мест Калмыкии на рыбные промыслы и соляные разработки. Язык их полностью еще не «перемололся» в торгутском говоре. Поэтому мы здесь встречаемся с остаточными явлениями разных говоров и подговоров.

Характерная особенность волжского-каспийского подговора заключается в том, что согласные л, н, д, т являются палатальными, т. е. среднеязычными хэл'дэвэр «зараза», пэл'тэ «пальто», ү:т'хын «узкий» и др. Не случайно зачастую смешивают произношение л и й (тол'ь = той'ь «луч»).

Эти согласные, как и во всем торгутском говоре, за исключением л, фонематической роли не играют. Данный подговор богат различными названиями рыб, терминами рыбных и соляных производств, он содержит много бытовых и производственных слов, заимствованных из русского и татарского языков. Из морфологических особенностей можно указать на то, что творительный падеж возвратного склонения имеет аффиксы — **алн**, — **элн**, а в литературном — **арн**, — **эрн** (мөрэрн ≈ мөрэлн «лошадью»). Кроме того, как и в торгутском говоре, нет направительного падежа, а родительный падеж имеет аффикс — **ан**, — **эн**, что соответствует литературному — **ин** (Бадмин ≈ Бадман «имя»).

Что касается уральских, оренбургских, донских, а также кумских и терских калмыков, то язык этих групп калмыков не может уже рассматриваться как особые говоры или подговоры. Эти калмыки переехали в 20-х годах нашего века в Большедербетовский, ныне Городовиковский и Яшалтинский районы, и в настоящее время смешались с основным населением республики.

Проведенные исследования показали, что уральские, оренбургские, кумские и терские калмыки в этническом отношении относятся к торгутам, а донские калмыки в своем большинстве — дербеты. Язык указанных групп калмыков представляет большой научный интерес в плане изучения истории развития калмыцкого языка в целом и фонетической системы, в частности.

За пределами республики калмыки проживают в Ростовской, Волгоградской и Астраханской областях и в Ставропольском крае. Небольшое количество калмыков проживает в пределах Оренбургской и Челябинской областей, около 7 тыс. калмыков — в Киргизской ССР.¹

За пределами нашей страны дербеты и торгуты проживают на западе МНР, торгуты — Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, хошуты — в районе Кукунора Тибета.

Диалектные отличия калмыцкого языка находятся на уровне говоров и подговоров. Торгутский и дербетский говоры составляют диалектную базу калмыцкого литературного языка. Все ойратские поколения к периоду создания Джунгарского государства имели относительно единый язык. Представители нашей республики, встречаясь с дербетами Мон-

¹ А. Ш. Кичиков. Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка. «Ученые записки» КНИИЯЛИ, 1967. стр. 22.

голии, торгутами Синьцзяна, хошутами Тибета не только свободно объясняются с ними, но сразу ощущают дух и при роду их языка, близкого во всем со своим родным языком, Материалы, опубликованные в недавнем прошлом А. Позднеевым, Б. Я. Владимирцовым и в наше время Э. Вандуем и другими монгольскими учеными, также свидетельствуют об относительном единстве языка всех ойратских поколений в историческом прошлом.

Б. Я. Владимирцов, говоря об ойратах (дербетях, баитах, элетах, захчинах, торгутах и мингатах), проживающих в МНР, писал: «...Отличия между наречиями ойратов с.-з. Монголии очень незначительны и несколько не мешают их представителям понимать друг друга, воспринимать обоюдно речь со всеми тонкостями, чувствовать себя особым племенем, и притом племенем единым, определенно и резко отличающимся от других монгольских племен».¹

Диалектные отличия, которые уже выявлены в языке торгутов и дербетов, образование ряда подговоров — это явления, относящиеся не к общеойратскому, а более позднему периоду, возникшие уже, в основном, в языке калмыков Поволжья.

Отрыв части калмыков и зачисление их в состав Оренбургской, Уральской, Ставропольской губерний и Округа Войска Донского привело к известному территориальному, экономическому и культурному разобщению указанной части калмыков, что, в свою очередь, привело к увеличению того незначительного различия, какое было в языке торгутов и дербетов, с одной стороны, и образованию подговоров в составе указанных говоров, с другой стороны.

В наших работах: «О некоторых фонетических особенностях в калмыцком языке» (Труды XXV конгресса Востоковедов, 1960, том III, стр. 417—421), «Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка» («Записки» КНИИЯЛИ, выпуск III, 1964, стр. 40—68), Чикэр бичлһнэ зокал (Правила калмыцкой орфографии, 1940, 1959, стр. 7—8), Чикэр бичлһнэ толь (Орфографический словарь, 1962, стр. 202—203), Состав и классификация фонем калмыцкого языка (1963, стр. 9), Современный кал-

¹ Поселились «в половине XVIII в., попав туда из разных мест, булугунские торгуты, например, — пишет там же Б. Я. Владимирцов, — пришли с Волги, уйдя перед тем в пределы Европы из Джунгарии».

мыцкий язык (1968, стр. 4—7) даны основные диалектные различия в говорах и подговорах калмыцкого языка. Они вкратце сводятся к следующему:

1. По уровню подъема огубленные гласные в торгутском говоре занимают самое высокое положение (умшхъ, увъл), а в дербетском — среднее (омшхъ «читать», овъл «зима»).

Указанные отличия имеют место в первом слоге слова в позиции перед губными м' и в < б. Там, где в торгутском говоре у и ү перед м и в, в дербетском им, как правило, соответствует о и ө. Имеется считанное количество слов, когда указанные различия гласных встречаются и перед другими согласными: мунхъг «глупый», хурвън «три», а в дербетском соответственно: моңхъг и хорвън.

Начало образования соответствия перед согласным м гласных у и ү в торгутском, о и ө — в дербетском, очевидно, раннее явление, восходящее к общеиратскому, возможно, и несколько более раннему периоду. Это составляло, видимо, тогда основное различие в языке торгутов и дербетов. Слов с подобными различиями вначале, видимо, было незначительное количество. Однако они дали начало образованию указанных закономерностей и соответствующих аналогий, например, общемонгольское эмүскү в старописьменном калмыцком үмүскү «одеваться». Это значит, что эволюция широкого нелабиализованного э в лабиализованный ү высокого подъема произошла до создания «Тодо бичиг». Примером может быть слово эбул > үбул «зима», где под влиянием гласного ү второго слога до его редукции э развился в ү.

Слово уншиху одинаково передается в старописьменном монгольском и старописьменном калмыцком языках. Но позже в калмыцком языке стало умшхъ. При ассимиляции н в м предшествующий ү перешел в дербетском говоре в о, в торгутском остался без изменения. В словах үнүскү «целовать», үнүсүн «зола» при ассимиляции н в м начальный ү в дербетском говоре перешел в ө: үнүскү > өмүскү > өмсхъ «целовать», үнүсүн > өмүсүн > өмсън «зола», а в торгутском сохранился без изменения: үмсхъ, үмсън.

Б. Я. Владимирцов² в 1911 году отмечал у дербетов Мон-

¹ На указанное отличие в позиции перед губно-губным м и в справедливо отмечается в работе А. Ш. Кичикова «Дербетский говор», Элиста, 1963, стр. 4.

² Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности, Л., 1926, стр. 154.

голии үмүсү «одеваться», Э. Вандуй¹ недавно — үмскүл «приданое», үмтэхь «выщипывать», үмсэн «зола». У самих же монголов өмсөх «одеваться», үнс (эн) «зола», үнсэх «целовать». Отсюда видно, что у дербетов Монголии, как и у торгутов, указанная ассимиляция произошла значительно раньше, чем у дербетов в Поволжье.

Ассимиляция у и ү в о и ө произошла в дербетском говоре и перед губно-губным щелевым в, восходящим к губно-губному смычному б. Общемонгольское хубхай «увядший», «иссохший» также передается и в старописьменном калмыцком языке. Затем развился в торгутском говоре в хумха:, дербетском хумхэ:, а у дербетов Монголии — хубхарнэ: «вянег».²

Имена Увшь (торгутский), Овшь (дербетский), восходили в обоих говорах до недавнего прошлого к Убаши > Убуши. В биографии Зая-Пандиты говорится о дербетском Көндөлөн Убаши. Значит и дербеты в свое время говорили Убаши. Не случайно и теперь встречается среди малодербетов фамилия Убушиев, также, как у торгутов, но у большедербетов — Овшипов. Все дербеты, в том числе и бузавы, говорят Овшь, а дербеты МНР — Увшь. Б. Я. Владимирцов отмечает в языке дербетов МНР: гурбан ~ гурван «три», субсар³ «жемчуг», А. Соколов дает гурбан «три», хубаажн «делить», хуби «часть».

С точки зрения всего изложенного выше, интересно развитие слова йабуху «идти». В современном монгольском явах, бурятском ябаха, торгутском и дербетском йовхь, у дербетов МНР Б. Я. Владимирцов отметил йовуйа «пойдемте». В анонимном словаре ябоһан ~ ябаһан «пеший». Как видно из указанных примеров, в торгутском и дербетском говорах имело место одинаковое развитие. Это свидетельствует о том, что ассимиляция гласного а первого слога слова в о произошла сравнительно недавно, когда гласный у второго слога уже подвергся редукции и не мог оказать ассимилирующего влияния на а до уровня высокого подъема, с одной стороны, и об ассимилирующем влиянии щелевого в при переходе его, в свою очередь, из смычного б.

2. Сингармоническая последовательность или непоследовательность.

¹ Э. Вандуй. Дөрвөд аман аялгуу. Улаан-Баатар, 1965, стр. 163.

² Б. Я. Владимирцов, там же, стр. 151.

³ Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности, Л., 1926, стр. 46—55.

Образование данного признака в калмыцком языке — явление, связанное с территориальным обособлением торгутов и дербетов в основном уже в Поволжье. В этом отношении торгутский говор является наиболее последовательным. Появление этого признака вызвано различным развитием дифтонга *аи*, например, конечный дифтонг *аи*, словообразующие суффиксы *-наи*, *-хаи*, словоизменяющие аффиксы — *гаи*, — *наи*, — *баи* и др. развились в торгутском в *а*: — *һа:*, — *ха:*, — *га:*, — *на:*, — *ва:*, в дербетском же в *-э*: — *һэ:*, — *хэ:*, — *тэ:*, — *нэ:*, — *вэ:*, (дала: ≈ далэ: «много», олмһа: — олмһэ: «находчивый», шу:рха: ≈ шу:рхэ: «трещина», модта: ≈ модтэ: «с деревом», на:дна: ≈ на:днэ: «играет», сурва: ≈ сурвэ «спрашивал»).

Любые другие аффиксы с конечным долгим гласным тоже подчиняются этой закономерности (авта: ≈ авлә: «взял»).

Аналогичные с дербетским говором явления имеются и в говоре дербетов МНР: манэ: «наша», харһэ: «доска», ту:лә: «заяц», су:нэ: «сидит», заңтэ: «с характером», бултмһэ: «склонный прятаться». Подобные явления изредка наблюдаются и в говоре торгутов МНР: ончтэ: «особенный», цүлрнэ: «собирается», хундъктэ: «с ложей», что объясняется взаимным влиянием говоров. Эти примеры взяты у Б. Я. Владимирцова.¹

В сложносокращенных словах и синтетических конструкциях последовательно соблюдается сингармонизм гласных в торгутском говоре: умъшча:на «читает», су:чкля «сел», у:жанав «пью», очасна:сь «от выезжающего», а в дербетском соответственно: омъшчэ:нэ, су:чкля, у:жэ:нэ, очэ:нэ:сь.

Как видно из указанных примеров, все постпозитивные аффиксы, обладая известной долей семантической и конструктивной автономности, присоединяются к неизменному корню, получая огласовку по последнему гласному корня слова: манһа:нэ:сь, таната:ла — в торгутском, манһэ:нэ:сь «от наших», танэ:тэ:лэ «с вашими» — в дербетском. После гласного *и*, а также других мягкорядных гласных основы слова, присоединяемые аффиксы получают огласовку по мягкому или переднему ряду гласных в обоих говорах одинаково: һурниһэд «опустив голову», большевикниэр «по-большевистски», ордентэ «орденоносный». Или: ахинэ:лэ «с братовым», Доржинэ:сь «от Доржиных» и др.

¹ Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности, Л., 1926, стр. 46—55.

3. Соответствия по гармонии гласных.

Под влиянием краткого гласного и непервого слога слова в дербетском говоре подверглись палатализации предшествующие согласные л, н, д, т при сохранении твердояркости гласных, а в торгутском говоре подверглись палатализации гласные предшествующего слога. Вследствие этого слова с палатализованными согласными дербетского говора сохранились как твердояркие, а торгутского — перешли в мягкояркие, образовав парные соответствия по твердости и мягкости гласных. Например, дербетский: ал'мън «яблоко», хурн'а:сън «морщинка», он'дин «всегда», торгутский соответственно: элмън, хурнэ:сън, ондин.

В торгутском говоре отмечается наличие отдельных случаев палатализации этих согласных: ун'ън «шест», сол'ър «косой»: бут'хаг «мать», а в подговоре бузава, как в дербетском говоре, наблюдается последовательная палатализация указанных согласных. В этом подговоре компонент и в двоемслоге айи, развившемся затем в ай > а: ≈ э:, подверг палатализации последующий согласный л: мал'хъ «блеять», «мяукаль», тал'хъ «открывать», зал'хъ «полоскать», что восходит к майлаху, тайлаху, зайлаху. Подобное явление имеет место отчасти и в языке эркетенцев.

4. Соответствия гласных и и ү. По этому признаку различие между торгутским и дербетским говорами заключается в том, что в торгутском говоре не произошел перелом гласного и в позиции после губного б в некоторых словах, а в дербетском — произошел перелом указанного гласного в ү. Вследствие такого неравномерного процесса в отношении перелома гласного и образовалось парное соответствие гласных и ≈ ү. Так, торгутскому бичър «веточка», бишкүр «флейта», «свисток», бишмүд «бешмет», отчасти шидн «зубы» в дербетском говоре соответствуют бүчър, бүшкүр, бүшмүд, шүдн.

Исторически было, например, бишкү:р «флейта», бичир «веточка», шидүн «зубы». Слово бешмет торгуты заимствовали как бишмүд в соответствии с нормой их произношения, а дербеты бүшмүд — с ассимиляцией и на ү — тоже в соответствии с установившейся нормой их живой речи.

5. Соответствия по краткости и долготе гласных. Встречается в говорах калмыцкого языка некоторое количество слов, различающихся по краткости и долготе своих гласных. К ним относятся:

а) соответствия **и и и**: — торгутский: им «этакий», тим «такой», игэд «этаким образом», тигэд «таким образом», а в дербетском соответственно: и:мъ, игэд, ти:гэд. Как видно из этих примеров, общеиратские эйми «этакий», тэйми «такой», восходящие к общемонгольскому эйму, тэйму, получили неодинаковое развитие в говорах калмыцкого языка. У торгутов иногда встречаем и:мъ, ти:мъ, но обязательно игэд, тигэд. Это свидетельствует о том, что сначала было и:мъ, ти:мъ, а затем образовались им, тим, тигэд, игэд;

б) соответствия других гласных по краткости и долготе. Торгутский: кэ:хъ «делать», ха:хъ «стрелять», а дербетский: кэхъ, хахъ. В императиве эти слова произносятся одинаково, и никто из носителей тех или иных говоров не находит различия в их произношении: кэ «делай», ха «стреляй». Исторически было кэку «делать», ха:ху «стрелять».

Что касается согласных, то диалектные различия в говорах калмыцкого языка являются крайне незначительными. Они в основном сводятся к следующему.

1) Соответствия палатализованных согласных **л', н', д', т'** дербетского говора непалатализованным — в торгутском.

2) Соответствие дербетского **р** торгутскому **л** (күркърхъ ~ күркълхъ «рычать»).

3) Соответствие аффриката **ч** дербетского торгутскому **ц** (бурчъгъ ~ бурцъгъ «горох, дробь»).

Из других особенностей согласных можно отметить:

а) выпадение конечного **н** утвердительной частицы **мөн** в синтетических конструкциях торгутского говора,

б) замена смычного глухого **к** щелевым глухим **х** в торгутском говоре,

в) некоторое упрощение консонантных групп в отдельных словах: чигчэ «мизинец», күржъгнхъ «греметь», харжъгнхъ «дребезжать» наряду с күржъгнхъ, харжъгнхъ — в дербетском говоре, чигчхэ «мизинец», но күржъгнхъ и др. — в торгутском,

г) после конечного носового **н** в торгутском говоре появляется смычный заднеязычный **г**: дөңгъ «помощь», хашңгъ «левый», а в дербетском — дөң, хашң. В дербетском говоре после многосложных слов с конечным **нъ** появляется заднеязычный **г**: батхңгъ «муха», хулһнңгъ «мышь».

Таковы основные фонетические отличия в говорах калмыцкого языка. История развития этих отличий, а также крайне незначительные лексические различия в этих говорах, позволяют сделать вывод не только об относительном единстве торгут-

ского и дербетского говоров в историческом прошлом, но и о единстве языка ойратов в целом. Указанные фонетические отличия в языке торгутов и дербетов возникли здесь, в Поволжье, в составе самого калмыцкого языка.

Однако отмеченные незначительные фонетические отличия в говорах вызывали, порою и сейчас вызывают, горячие споры между представителями тех или иных говоров.

На всех языковедческих конференциях и совещаниях вплоть до 1934 года не было найдено сколько-нибудь положительного критерия для определения диалектной базы современного калмыцкого литературного языка.

На состоявшейся в Москве 10—17 января 1931 года конференции по вопросам языка и письменности монгольской группы народов было решено калмыцкий литературный язык создавать на основе торгутского говора.¹ Элистинская конференция по вопросам языка и письменности Калмыкии, состоявшаяся 17—20 мая 1931 года, внесла уточнение в указанное решение, постановив, что торгутский говор, признаваемый ведущим в деле создания литературного языка, должен впитывать в себя все ценное и из других говоров.² Однако на этой конференции не были определены конкретные пути нормализации калмыцкого литературного языка. Данный вопрос нашел свое конкретное решение на IV языковедческой конференции, состоявшейся в Элисте в мае 1934 года. На этой конференции по докладу Б. Б. Бадмаева были утверждены основные критерии, на основании которых определялись нормы оформления тех или иных слов в литературном языке при диалектных различиях в говорах. Этим был решен один из основных вопросов устранения диалектных противоречий, связанный не только с унификацией правописания, но и нормированием калмыцкого литературного языка. Эта конференция заложила тогда основу развития калмыцкого литературного языка на базе торгутского и дербетского говоров при максимальном использовании всего ценного из всех подговоров.

На V языковедческой конференции, состоявшейся в Элисте 3—5 июня 1939 года, по докладу пишущего эти строки были решены вопросы правописания заимствуемых слов, рас-

¹ Резолюция о литературных языках монгольской группы народов. Журн. «Культура и письменность Востока», кн. IX, 1931, стр. 72.

² Ц. Д. Номинханов. «Языковое строительство в Калмыкии». Журн. «Революция и письменность Востока» № 1—2, М., 1932, стр. 52.

смотрен ряд спорных вопросов орфографии калмыцкого языка, а также заслушаны доклады: «О терминологии калмыцкого языка» И. К. Илишкина, «О пунктуации в калмыцком языке» Г. Д. Санжеева и о некоторых вопросах грамматики калмыцкого языка» Б. К. Пашкова. По материалам IV и V языковедческих конференций был издан пишущим эти строки относительно полный свод правил калмыцкой орфографии.¹

В дальнейшем проводилась большая работа по изучению диалектных особенностей калмыцкого языка, чтобы правильно решать не только орфографические вопросы, но и вопросы норм калмыцкого литературного языка.

Начиная с шестидесятых годов, стали издаваться отдельные работы, посвященные диалектным особенностям калмыцкого языка.²

В 1965 году Совет Министров Калмыцкой АССР принял постановление «О некоторых вопросах орфографии калмыцкого языка»,³ подготовленное при нашем непосредственном участии. Этим постановлением решены существенные вопросы, связанные и с нормированием литературного языка.

Таким образом, становление современного калмыцкого литературного языка началось с Великой Октябрьской социалистической революции, базой его развития явились торгутский и дербетский говоры, а периоды с 1935 по 1941, а затем с 1957 по 1967 год знаменуются интенсивной нормализацией и формированием единых литературных норм. За этот период изучен фонемный состав говоров калмыцкого языка, что позволило определить фонетический строй калмыцкого литературного языка в целом.

Фонетический строй литературного языка характеризуется следующими особенностями, свойственными торгутскому говору (в орфографической записи):

1. Строгое и последовательное соблюдение закона сингармонизма гласных (по ряду и лабиальной диссимиляции).
2. При наличии межговорных расхождений на $y \approx o$, $\gamma \approx \theta$, $o \approx \theta$ в норму литературного языка вошли соответствия на y , γ и o ; умшх «читать», үвл «зима», томх «вить», оркрх «орать», а не омшх, өвл, төмх, өркрх.

¹ Павла Д. Чикэр бичлһнэ зоал, 1940, 1959 г.

² А. Ш. Кичиков. Дербетский говор. Элиста, 1963, его же «Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка», «Ученые записки» КНИИЯЛИ. Элиста, 1967, стр. 22—38 и др.

³ Постановление Совета Министров КАСР № 471 от 24/IX-1965 г.

Особенности влияния дербетского вокализма в литературном языке следующие:

1. Строгое и последовательное соблюдение процесса палатализации согласных л, н, д, т как результат влияния беглого и. Палатализованные согласные встречаются только в словах с гласными заднего ряда, например: альк «который», салькн «ветер», оньс «замок», ууьхн «тесный», буудя «зерно», модь рун «грубый», а не элк, сэлкн, онс, үүтхн, бүүдэ, мөдрүн, как это имеется в торгутском говоре.

2. При наличии межговорных расхождений на а≈э, у≈ү, и≈ү вошли в норму литературного языка а, у, ү: таава «сковородка», хаха «свинья», хурсх «мерлушка», бүүчр «веточка», а не соответственно тээва, һэхэ, хүрсх, бичр.

3. При наличии расхождений на -ак, -эк принято в качестве нормы -эк: дэкад «еще», мэкр «кривой», бэкрси «котел», тэкм «икры ног», а не соответственно дакад, бакрси, макр, такм.

Эти расхождения в области гласных по говорам заключаются в позиционных звукосоответствиях, т. е. одинаковые слова имеют разные гласные в своем первом слоге. В области согласных различия в говорах крайне незначительны и, в основном, сводятся к тому, что в торгутском говоре палатализованные согласные д', т', н' не являются самостоятельными фонемами.¹

О ЛЕКСИКЕ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий язык, основной словарный фонд которого восходит к общемонгольским корням, вместе с тем впитавший немало элементов из тибетского, китайского, тюркского языков и санскрита, имеет развитую лексику.

В советский период появилось много новых слов, это обусловлено тем новым, что внесла в жизнь калмыцкого народа Октябрьская социалистическая революция. Лексика калмыцкого языка продолжает обогащаться и развиваться как на базе собственного словарного материала, так и за счет заимствуемых слов.

За последние годы в Калмыкии проводится значительная работа по лексикографии. Автор данного доклада продолжительное время принимает непосредственное участие в разработке лексики калмыцкого языка и в составлении двуязычных словарей.

¹ Д. А. Павлов. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика, Элиста, 1968, стр. 6—7.

В 1937 году опубликованы термины для стабильных учебников начальных школ, разработанные при непосредственном участии автора.¹

В статье автора «К вопросу о терминологии калмыцкого языка»,² опубликованной в 1934 году, рассматриваются пути развития лексики калмыцкого языка.

К «Синтаксису калмыцкого языка», составленному в 1941 году в соавторстве с У. Очировым, приложены грамматические термины по синтаксису, разработанные автором этого доклада.

В большом русско-калмыцком словаре, изданном в 1964 году, автором доклада составлены словарные статьи по буквам г, е, ю, э, я. При составлении вместе с другими авторами «Краткого словаря общественно-политических терминов калмыцкого языка», изданном в 1968 году, проведена большая подготовительная работа по принципам его составления.

В 1969 году автором опубликована работа «О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов»³ В этом исследовании на большом фактическом материале показано, что внутренние ресурсы языка служат основным источником обогащения словарного состава любого литературного языка, и указаны пути обогащения лексики калмыцкого языка.

Подробно излагается аффиксальный способ словообразования, показывающий большие возможности обогащения лексики родного языка, особенно для выражения отвлеченных и обобщающих понятий. Важнейшее значение в семантическом развитии лексики калмыцкого языка играет образование относительных прилагательных посредством аффиксов — а≈э, и. Аффиксы -а, -э, исторически восходят к одной из форм родительного падежа на -ай и эй. Теперь калмыки говорят укрэ арси в смысле «коровья кожа» в отличие от үкрин арси «кожа коровы». Слово үкрэ уже относительное прилагательное и отвечает на вопрос «ямаран?» «какой?», а үкрин — на вопрос юна? «чья?» — указывает принадлежность предмета.

¹ Журнал «За социалистическую культуру», Элиста, 1933 г. № 1, стр. 58—62.

² Журнал «За социалистическую культуру», Элиста, 1934, № 7, стр. 36—47.

³ Ввиду ограниченности типографских возможностей, транскрипционные записи значительно упрощены, а в разделах лексики и орфографии все примеры даются в соответствии с современной орфографией.

Посредством аффикса **-а, -э** образуются относительные прилагательные от основы слова с конечными согласными, за исключением **н**, например: **сара сурһуль** «месячная учеба», **тохма мал** «породистый скот», **цеггэ хувци** «военная одежда», **теңгэ усн** «донская вода», **жилэ көдлмш** «годовая работа».

В норму литературного языка начинает входить аффикс **-и**, посредством которого тоже образуются относительные прилагательные. Данный аффикс восходит к форманту **-и** старописменного калмыцкого языка, где после слов с конечным неустойчивым **н** употреблялся формант **-и**. Во фразе **зүркнэ гем** «болезнь сердца» родительным падежом (**зүркнэ**) выражена категория принадлежности. Когда говорим **зүркни ханлт** «сердечная благодарность», то слово **зүркни**, где **-и** уже самостоятельный аффикс, является относительным прилагательным. Можно привести много примеров образования относительных прилагательных посредством аффикса **-и**: **дарани трактор** «очередной трактор», **асхни школ** «вечерняя школа», **өрүни соңсхвр** «утреннее сообщение», **эзни килмж** «хозяйская забота».

Калькирование. Анализируется большое количество калек, созданное на основе русской и интернациональной лексики по тем отраслям науки, техники и производства, которых не было в Калмыкии.

Исследуются составные термины, которые строятся по следующим конструкциям и моделям:

а) атрибутивная конструкция, состоящая из определения и определяемого: **аһар дер** «воздушная подушка»,

б) объектная конструкция: **һазр эдләһнр** «землеуладельцы»,

в) адverbальная (наречная) конструкция: **хамх цоклһн** «разгром», **цәәлһж өглһн** «пояснение», **дәәлж авлһн** «завоевание».

В работе подробно разбираются кальки как смысловые, так и структурно-смысловые.

Затем рассматриваются:

а) кальки, передающие различные названия: **ноһан урһмл** «зеленые насаждения», **көк түлән** «голубое топливо»,

б) кальки, передающие отвлеченные понятия: **олна эклц** «общественное начало», **көтлгч чидл** «ведущие силы».

Приводятся примеры калькирования целых фраз, образования калек — комбинированных сочетаний, сложносокращенных полукалек.

Путем калькирования образуются сложные слова по типу

русских сложно-сокращенных слов. Эти слова отличаются от парных тем, что сочетающиеся в них разные по смыслу слова полностью или частично выражаются косвенным падежом и в предложении выступают в роли определения, парные же слова выражаются номинативной формой и представляют собой составное имя существительное. Калькирование слов и фразеологических оборотов русского языка, наряду с аффиксальным способом словообразования, стало одним из ведущих способов образования новых слов в калмыцком литературном языке, особенно научных и общественно-политических терминов.

Парные слова. Эти слова по своей структуре составляют своеобразную модель образования сложных слов с одним сложным отвлеченным понятием. Эта модель является довольно распространенной и продуктивной.

По своему семантическому значению и морфологическим признакам парные слова подразделяются на три группы: 1) собственно парные слова, 2) повторы, 3) редупликация.

Парные слова при сохранении исконных их значений создают: а) одно общее, сложное или же отвлеченное понятие: ахду «братья» (старший и младший брат), күч-көлсн «труд».

б) одно целостное понятие по видовому сходству сочетающихся слов: нарн-цецг «подсолнух». Здесь нарн «солнце», а цецг «цветок»,

в) одно общее или отвлеченное понятие за счет диалектных слов, близких по значению: э-чимэн уга «затишье», где э «звук, шорох», чимэн — диалектный архаизм, восходящий к «шуму», «звуку», уга «нет»,

г) парные слова, создающие общее понятие, одно из которых превратилось в служебный придаток: эдл-аху «хозяйство».

При этом излагаются способы образования парных слов, типы связи в них.

Диалектная лексика. Лексические различия в говорах сравнительно незначительны. Тем не менее диалектная лексика представляет известный резерв в обогащении общего словарного фонда калмыцкого литературного языка.

Регулировка проникновения диалектной лексики в литературный язык проводится на основании следующих положений:

1) Слова, отсутствующие в литературном языке, включаются из диалектной лексики в общий фонд.

2. Допускается параллельное употребление целого ряда слов, разных по своим источникам; хора и өрә «комната».

3. Из парных соответствий по говорам, где в одних случаях сохраняются краткие гласные непервых слогов, а в других — редуцируются, в норму литературного языка входят слова с сохранением этих гласных: хатмул «щуплый», а не хатмл.

4. Используются лексические различия в говорах разнозвучающих слов, но одинаковых или близких по значению, с целью обогащения общей лексики путем дифференциации их значения. Кроме того, используются фонетические изменения, происшедшие в отдельных говорах и подговорах, в омонимах (разнозвучных словах), вызванные необходимостью дифференциации их значения.

Здесь приведены лишь некоторые положения из практики использования диалектной лексики в целях обогащения общей лексики литературного языка путем сознательного и целенаправленного регулирования его пополнения.

Помимо перечисленных выше путей и способов обогащения лексики, в калмыцком языке происходит широкое развертывание семантических процессов. Важнейшими из них являются расширение значений слов, переосмысливание значений слов, дифференциация значений слов. Эти вопросы рассматриваются на большом фактическом материале из периодической печати. Затем излагаются вопросы упорядочения норм словоупотребления.

Касаясь вопроса о так называемых «устаревших» словах и словах высокого стиля, следует отметить, что терминологическая комиссия своим решением от 8 декабря 1966 года, утвержденным затем постановлением Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 24 июня 1967 года, взяла в оборот такие слова: зэрлг «указ», сүлд «герб», частр «гимн», һашг «грамота», зэкрмж «дисциплина», тив «континент», том «крупный», ном «наука», шүтлһн «культ», жижг «мелкий», мөчн «орган», самбр «доска», цол «знание», сүзг «прилежание» и другие, что способствует расширению стилистических возможностей литературного языка.

Решено смело вводить в оборот и закреплять нормой современного литературного языка так называемые «устаревшие», но нужные слова и слова высокого стиля, которые незаслуженно, порою из-за незнания, предаются забвению.

Теперь созданы благоприятные условия для литературного языка, который получил широкую возможность вбирать в себя все лучшее из арсенала общенародной разговорной речи, в том числе из говоров. За последнее десятилетие идет сильное

обогащение лексики, и сложился словесный материал для выражения отвлеченных и обобщающих понятий.

В заключение следует отметить, что центром развития калмыцкого языкознания стала сама Калмыкия. В настоящее время калмыцкое языкознание выделилось в самостоятельную отрасль науки в общей монголистике. Отрядным является то, что в советское время резко расширились общественные функции калмыцкого языка, получают широкое развитие все стили калмыцкого литературного языка, большого расцвета во всех своих жанрах достигла калмыцкая художественная литература.

Ф О Н Е Т И К А

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Необходимые материалы для описания и теоретических обобщений звукового строя современного калмыцкого литературного языка были получены нами впервые в калмыковедении в результате экспериментально-фонематического исследования с использованием современных методов, как было указано в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета им. А. А. Жданова.

За основу понимания фонемы и критериев определения фонемы и ее аллофонов принята теория фонемы акад. Л. В. Щербы и его фонетической школы.

Гласные фонемы

Система гласных фонем современного калмыцкого литературного языка складывается из 18 гласных фонем: а) краткие гласные или гласные нормальной долготы: а, о, у, ы, э, ү, и, э; б) долгие гласные — а:, о:, у:, ы:, э:, ө:, ү:, и:, э:.

Состав основных гласных фонем калмыцкого литературного языка как в целом, так и по ведущим говорам, совпадает полностью.

Некоторые из этих фонем могут выступать самостоятельно как лексические единицы, например, у: «пей», «широкий», ө «неровность», «умение», «обида», э «звук», «шорох», «бойся», э «да». Фонема а может встречаться изолированно в качестве служебного слова или междометия (а, тиймий?): отдельные фонемы выступают как звукоподражательные слова: и-и пihэд дурав «подражал», «говоря и-и».

Классификация гласных калмыцкого языка произведена одновременно по трем следующим качественным признакам:

1) участие или неучастие губ в образовании гласных, 2) степень подъема языка, 3) место подъема языка. Кроме того, дается количественное противопоставление калмыцких гласных по их долготе и краткости.

По характеру огубления выделяются две группы гласных:

а) круглоогубленные, куда относятся: *у, ү:, у, ү:, ө:, о:*

б) плоскоогубленные, куда относятся: *ө, о.*

Противопоставление огубленности и неогубленности служит основанием для различения фонем, т. е. выполняет смысловоразличительную роль. Примеры слов — квазиомонимов наиболее ярко иллюстрируют значение признака огубленности и неогубленности в фонематической системе калмыцкого языка.

В калмыцком языке наличествует строгое, последовательное противопоставление гласных и по степени подъема языка. Движение языка вверх или вниз, т. е. степень подъема языка, имеет фонематическое значение и участвует в различении слов.

В зависимости от движения языка вперед или назад гласные калмыцкого языка подразделяются на передние, задние и средние. Деление гласных калмыцкого языка на указанные ряды определяется фонематическим аспектом, т. е. с точки зрения роли звуков в различении смысла слова.

Все изложенные выше фонематические признаки обоснованы на конкретном материале экспериментального исследования.

Здесь несколько подробно следует остановиться на гласном *ы*. Многочисленные наблюдения и экспериментальные данные позволили нам отнести гласный *ы* к самостоятельной фонеме. Появление гласного *ы* тесно связано с появлением в калмыцком языке твердых и мягких согласных. Правда, в глубокой древности, как отмечает Б. Я. Владимирцов¹, монгольские языки знали два звука: *и* — гласный переднего ряда, *ы* — гласный более заднего ряда.

Гласный *ы* имеет четкое звучание: Луглы, Буштын, Тавдын (имена), *һуды:хь* «согнуться», *аты:хь* «сгибаться», *кулы:хь* «коситься», но *бөгди:хь* «скорчиться», *һурн'и:хь* «опустить голову» и другие.

Необходимость признания гласного *ы* как самостоятельной фонемы вызвалась не только чисто фонетическими признака-

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 118.

ми — местом образования и четкостью звучания, но и фонематическими, т. е. системой фонематических противопоставлений. Критерии, по которым гласный *ы* в калмыцком языке отнесен к самостоятельной фонеме, пока что крайне ограничены. При определении *ы* как особой фонемы, кроме четкого ее звучания, учтено следующее:

1) если произносить гласный *и* вместо *ы*, то разрушается смысл слова: кул'и:хъ, худ'и:хъ, хал'и:хъ и др. В действительности нет таких слов, а есть кулы:хъ «коситься», हुды:хъ «согнуть», халы:хъ «уставиться». Отсюда видно, что «фонемы всегда служат для опознания и различения слов»¹.

2) В словах типа танъ «перламутр», тана «ваш», мана «наш» согласный *н* является твердым. Этот согласный находится в сходных фонетических условиях. Примеры: таны:гъ «перламутра», тан'и:гъ «вас» показывают, что в калмыцком языке, как и в русском, предыдущий твердый согласный не обязательно обуславливает появление гласного *ы*.² Указанные примеры иллюстрируют смысловозначительную роль гласных *ы* и *и*.

3) Осознанность звуков *и* и *ы* у носителей языка. Калмыцкие дети, обучаясь грамоте, уже легко достигают умения их различать и самостоятельно произносить, в то время как «...не самостоятельные (комбинаторные) оттенки не поддаются такому усвоению».³

До 1965 года звуки *ы* и *и* одинаково передавались на письме. Это вызывало большие недоразумения, особенно:

а) при образовании вопросительной или желательной форм слова: буулий как «пробьем» и «похвалим»; холий «далеко ли» и «смешаемте», сулий «овес ли» и «свободный ли». В действительности имеются: бу:лый «пробьем», бу:лий «похвалим», холый «далеко ли», хол'ий «смешаемте», сулый «свободный ли», сул'ий «овес ли».

б) при присоединении аффиксов родительного падежа: малин как «скота» и «малина», ханин «решетка» и «коллега», партин как «партии» и «парты», картин «карты» и «картина». В действительности наличествует: малын «скота», мал'ин «малина», ханын «решетки», хан'ин «коллеги», партын «парты», парт'ин «партии», картын «карты», карт'ин «картина» и др.

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960, стр. 38.

² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, М., 1958, стр. 12.

³ А. Н. Гвоздев, там же, стр. 12.

Эти примеры показывают, что гласные и и ы ввиду их осознанности, четко различаются не только твердостью или мягкостью предшествующих согласных, но и противопоставленностью их при различении смысла слов.

Здесь имеется прямое соответствие с подобными явлениями в русском языке. А. И. Гвоздев отмечал, что «...благодаря осознанности ы такие соотношения, как мыл — м'ил, быт — б'ит, совершенно ясно различаются не только твердостью и мягкостью первого согласного, но и противопоставленностью и и ы. По этим соображениям следует признать ы и и разными фонемами.¹ При определении ы как особой фонемы мы исходили также из факта беспрерывного пополнения калмыцкого языка заимствованными словами с гласным ы и учитывали то, что русский язык стал вторым родным языком калмыков.

В калмыцком языке имеются долгие гласные. Они отличаются от соответствующих кратких прежде всего количественной стороной, т. е. своей длительностью, и характеризуются большим мускульным напряжением. В отличие от кратких гласных (нормальной долготы) долгие гласные произносятся протяжно. Разница в длительности долгих и кратких гласных легко воспринимается на слух: цаcьн «снег», цаcьн «бумага».

Долгота и краткость гласных является постоянным их признаком; этот признак используется в целях семантической дифференциации слов; следовательно, долгие гласные являются особыми самостоятельными фонемами. Но следует отметить, что фонематичность долгих гласных в калмыцком языке позиционно ограничена.

Проведенные измерения позволили сделать выводы о том, что краткие гласные в целом относятся к долгим, как 1:2 с лишним, полудолгие к долгим в пределах от 1:1,4 до 1:2 в одинаковом фонетическом положении. Не исключены здесь и отдельные колебания, вызванные теми или иными фонетическими условиями.

Таким образом, долгие гласные длиннее кратких более чем в два раза, а ясные гласные открытых односложных и конечных слогов многосложных слов занимают по своей длительности промежуточное положение между краткими и долгими гласными.

Далее в нашей работе подробно анализируется фонематическая роль долгих гласных первых слогов. При этом пока-

¹ А. И. Гвоздев, Современный русский литературный язык, М., 1958, стр. 12.

зано, что позиция долгих гласных в непервых слогах бывает относительно устойчивой, если за ним следует любой суффикс или падежный аффикс с неясной гласной или со слогаобразующим согласным. Это значит, что краткие гласные, подвергаясь редукции, укрепили позиции предшествующих долгих гласных слова. Об этом несколько подробно изложено в нашем докладе на XXV конгрессе востоковедов.

В калмыцком языке имеются редуцированные гласные. Исторически они восходят к кратким гласным непервых слогов слова. Редуцированные, или так называемые, неясные гласные калмыцкого языка, произносятся при очень слабом мускульном напряжении стенок резонирующей полости, отсюда получается нечеткий акустический эффект по сравнению с эффектом гласных первых слогов.

В основе редукции гласных непервых слогов как калмыцкого, так и других монгольских языков, лежит крайне слабое мускульное напряжение стенок резонирующей полости, не дающее четкого акустического эффекта, особенно в неконечной позиции слов.

Ослабление мускульного напряжения при произнесении редуцированных гласных привело в живой речи к тому, что эти гласные потеряли свою определенность. В неконечных позициях слова эти гласные почти не воспринимаются простым ухом. Только натренированное ухо может уловить эти неясные гласные в неконечных позициях слова. В конечной позиции слова при внимательном наблюдении редуцированные гласные воспринимаются на слух как какой-то неопределенный, неясный гласный звук.

Согласные, непосредственно предшествующие конечным неясным гласным, всегда произносятся с большим напряжением, и они отличаются по своей длительности от соответствующих согласных, стоящих перед краткими или долгими гласными.

В инициальной форме слова редуцированные гласные обычно сохраняются, тогда как в остальных формах они, как правило, являются скользящими. При этом они часто выпадают вовсе.

Так например: санъ «думай»+гдъ (суффикс)+на (аффикс)=сангдна «вспоминается», бичъ «пиши»+дъг (суффикс)+эр (аффикс)=бичдгэр «так, чтобы писал...».

Не случайно их орфографирование в современной письменности чрезвычайно затруднено. Однако проведенные экспери-

ментальные исследования показали возможность обозначения неясных гласных в некоторых позициях слова, особенно в конечной позиции. Редуцированные гласные в конечной позиции слова сохраняют смысловоразличительное значение: сэр «взьем ноги», хэр «мелководный», шим «сок», эрэг «берег», «яр», но сэрь «проспись», хэрь «иди домой», шимъ «соси», эргъ «кружись» и т. д.

Таким образом, за основу деления на фонематические группы мы взяли общеизвестную систему классификации фонем в зависимости от участия или неучастия губ в образовании гласных, степени подъема языка, места подъема языка и количественное противопоставление гласных по долготе и краткости. В зависимости от основания деления в различные фонематические группы попадают одни и те же фонемы.

Далее приводится в работе таблица системы гласных фонем калмыцкого языка

Описание гласных. Гласные фонемы описываются в порядке сингармонических рядов. Внутри каждой группы звуки описываются отдельно: сначала неогубленные, а затем огубленные с последующим подразделением на краткие и долгие.

При описании гласных фонем используются рентгенограммы, в необходимых случаях палатограммы, кимограммы и кинокадры губной артикуляции. Применение инструментального метода исследования с учетом слухового и визуального наблюдения позволило произвести сравнительно полное описание гласных калмыцкого языка, исходя из положения как активных, так и пассивных органов речи при произнесении тех или иных фонем. При этом подробно указывается не только положение и конфигурация активных органов речи, места их соприкосновения с пассивными органами речи, образующиеся при этом резонаторы, но и состояние мускульного напряжения стенок резонирующей полости при произнесении как кратких так и долгих гласных.

В соответствующих местах описания гласных приведены примеры, иллюстрирующие схожие фонемы русского и калмыцкого языков.

Все гласные фонемы заднего ряда описываются в двух обязательных оттенках: а) заднего, б) заднего, выдвинутого вперед ряда. Задний оттенок встречается обычно при непосредственном сочетании с твердыми вариантами заднеязычных согласных, а задний, выдвинутый вперед оттенок гласного встречается с согласными переднего ряда при отсутствии

непосредственного соседства увулярных и заднеязычных согласных.

Гласные переднего ряда тоже описываются в двух обязательных оттенках: а) переднего ряда, б) переднего, отодвинутого назад ряда. Передний оттенок гласных встречается со смягченными согласными губными, переднего и среднего рядов при отсутствии в непосредственном соседстве заднеязычных согласных. Передний, отодвинутый назад оттенок встречается со смягченными вариантами увулярных и заднеязычных согласных.

Указанные два варианта гласных как заднего, так и переднего рядов довольно четко различаются и на слух, что объясняется различием в объеме резонаторов при их образовании.

В конце описания каждой конкретной фонемы дается перечень ее фонематических признаков.

Согласные фонемы

Система согласных современного калмыцкого языка складывается из 25 фонем собственно калмыцких: **б, п, м, в, т, т', д, д', ц, ч, ж, н, н', с, ш, з, л, л', р, й, к, г, ц, х, һ** и трех фонем **ж, ш, ф**, вошедших из русского языка вместе с заимствованными словами и употребляющихся только в этих словах.

В калмыцком языке большая часть согласных фонем проявляется в речи в нескольких, мало отличающихся друг от друга по артикуляции и звучанию, оттенках (вариантах). Но есть ряд согласных, варианты которых отличаются довольно существенно. Это согласные **г, к, л, һ**.

В калмыцком языке, как в любом другом, посредством согласных фонем различаются смысл и значение слова, например: бу «ружье», му «плохой», су «сиди», зу «укуси», зө «нести», дү «брат», тү «собери», жилэ «годуичный», чилэ «кончай», сала «балка», сара «сарай», хада «гвоздь», хата «суши», орън «страна», оръм «место», кедмън «груша», кермън «белка» и др.

В начале собственно калмыцких слов не встречаются согласные **р, л, в**. Имеющееся в калмыцком языке считанное количество слов с начальным **л, п, в** является в основном заимствованным из тибетского языка и санскрита. В старокалмыцкой письменности были специальные знаки, называемые галик, для обозначения ряда фонем в заимствованных словах. Слова с начальным **р, в, п**, заимствованные из тибетского языка, а затем из русского и через русский язык, осваивались по законам родного языка, а именно: начальные согласные **в, п,**

заменялись согласным б, а перед начальным р ставился такой же гласный, какой обычно следовал за ним.

Согласные калмыцкого языка различаются: 1) по участию шума и голоса; 2) по месту образования шума; 3) по способу образования шума, 4) по отсутствию или наличию мягкости.

При классификации согласных калмыцкого языка мы исходили из закона сильной и слабой позиции фонем. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных калмыцкого языка представлен 9 парами звуков. Парные согласные различаются наличием голоса (звонкие) или отсутствием его (глухие).

Следует отметить, что в калмыцкий язык в связи с заимствованиями из русского языка начинают проникать и такие пары, как ш-ж, ф-в. Все звонкие смычные калмыцкого языка имеют слабую смычку, особенно в интервокальном положении, а их глухие параллели всегда являются сильными смычными. Фонетически это различие определяется тем, что кроме наличия или отсутствия голоса глухие произносятся со значительно большим мускульным напряжением активного речевого аппарата и большей силой воздушной струи, чем соответствующие звонкие или сонорные звуки.

Вследствие этого глухие согласные называются также сильными. Звонкие согласные, образуемые более слабым напряжением мускулов активного речевого аппарата, более слабой воздушной струей, обуславливающей более слабый шум, называются также слабыми.

Сила и слабость согласных определяется как субъективным методом наблюдения, так и экспериментальным. При сопоставлении палатограмм соответствующих по артикуляции язычных согласных более сильное произношение язычных согласных дает и большие по размеру отпечатки на искусственном небе.

Сопоставление кимограмм смычных взрывных согласных показывает, что сильный звук идет на кривой резкое отклонение от нулевой линии с более острым углом, чем соответствующий ему слабый, который на линии оставляет сравнительно пологий подъем. Измерение углов на кимографической кривой при произнесении, например, слов с согласными т и д, с и з показывает, что при глухих согласных т, с угол отклонения меньше. Отсюда образующийся угол острее, чем при звонких согласных, где угол отклонения больше, следовательно, тупее или по своей форме пологий в целом. Глухие согласные калмыцкого языка, подобно бурятским, дают большую степень

отклонения, чем при записи соответствующих звонких согласных. Проведенные кимографические записи свидетельствуют и о том, что большее отклонение кривой является показателем большой степени воздушности звука.

Глухие согласные калмыцкого языка обладают относительно большей степенью воздушности по сравнению со звонкими согласными. Эти согласные произносятся при относительно сильном мускульном напряжении действующего активного речевого органа.

Звонкие согласные калмыцкого языка, в отличие от глухих, характеризуются относительно меньшим мускульным напряжением произносительных органов и меньшей степенью воздушности, что обуславливает при произнесении звонких согласных меньшую громкость их шума.

Звонкие согласные калмыцкого языка оглушаются в положении перед глухими согласными и в исходе слова. Поэтому вполне правомерно классифицировать согласные калмыцкого языка по работе голосовых связок, исходя из того, что парные по глухости и звонкости согласные являются сильными и различаются в позиции (сильной) перед гласными, сонорными и согласным **в**. Звонкие согласные, будучи слабыми в известных фонетических условиях, не только оглушаются, но и подвергались и подвергаются полной ассимиляции по глухости, приобретая признаки соответствующей глухой согласной фонемы.

Сонантная же группа согласных по сравнению со звонкими согласными имеет еще более слабое мускульное напряжение артикулирующего активного органа, чем у звонких согласных, меньшую воздушность и фонацию с обязательным участием голоса.

Как отмечалось выше, фонематические признаки глухости, звонкости и сонантности находятся в сложных взаимоотношениях, и эти группы согласных имеют определенные закономерности употребления в потоке речи. Глухость согласных и тональность сонорных согласных сохраняются в любой позиции слова. Исключение составляет согласный **р**, у которого внутри слова перед глухими и в исходе слова оглушается конечная его часть, например, в слове **бүркэ** «покрывало».

В калмыцком языке имеются придыхательные согласные. Придыхательность иногда обуславливается и воздушностью. Дополнительный шум, образующийся при трении о стенки щели речевого аппарата, наслаивается на основной шум глухих смычных согласных **т**, **к**, **п**. При наличии придыхания на

кривой после резкого скачка не сразу начинаются мелкие голосовые вибрации, а после некоторого безголосого промежутка. Это свидетельствует о дополнительном выходе воздуха — придыхании после раскрытия смычки.

Таким образом, все согласные калмыцкого языка подразделяются на три противостоящие друг другу фонематические группы: глухих, звонких и сонантных звуков. Исходя из сложившейся традиции и основываясь на том факте, что глухие и соответствующие им звонкие составляют пары не только по фонематическому признаку, но эти пары и тесно взаимосвязаны через определенные языковые явления, мы сочли целесообразным в таблице согласных сохранить термины — глухие, звонкие и сонорные согласные.

Монгольские и ойратские филологи прошлого описываемые здесь согласные традиционно интерпретировали как сильные (чанһъ) и слабые (суль).

По месту образования или активно действующему речевому органу, участвующему в артикуляции согласных, в калмыцком языке выделяются следующие фонематически противопоставляемые группы: 1) губные, 2) язычные, 3) увулярные. Язычные в свою очередь делятся на: а) переднеязычные, б) среднеязычные, в) заднеязычные.

В работах автора дано подробное обоснование каждой фонематически противопоставляемой группы. Здесь необходимо отметить следующее. В результате ассимиляции согласного **б** непервых слогов в билабиальный **в** в калмыцком языке исторически сложились две самостоятельные фонемы — смычный губно-губной **б** и губно-губной щелевой **в**. Эти два согласных, в потоке речи, хотя и имеют ограниченные позиции употребления, являются самостоятельными фонемами как по своим фонетическим, так и фонематическим признакам.

Согласный **п**, как самостоятельная фонема, проник в калмыцкий язык вместе с заимствованием санскритских и тибетских слов. Не случайно в старокалмыцкой письменности была изобретена специальная буква для обозначения **п** в заимствованных словах. Окончательное освоение согласного **п** в калмыцком языке произошло в связи с дальнейшим заимствованием из русского языка слов с согласным **п**. В первое время русский начальный **п** осваивался с (б) образным оттенком, а средний и конечный **п** как **в**, например: копна — ковн'ьг, цепь — цевъ. Со временем согласный **п** был полностью освоен как самостоятельная фонема, что позволило языку при заимство-

вании в дальнейшем слов с согласным *ф'* заменять его на *п*, например, фонарь — панр, фабрика — пабрик и др.

Согласные *л', н', д', т'* являются самостоятельными фонемами. Они впервые нами включены в таблицу системы согласных. Палатограммы этих согласных полностью согласуются с рентгенограммами, показывающими переднеязычность палатализованных согласных калмыцкого языка. Палатализации подверглись переднеязычные согласные, находившиеся в фонетическом окружении заднерядных гласных. В отличие от монгольского и бурятского языков, где палатализации подверглись многие согласные, в калмыцком языке из палатализованных согласных в настоящее время фонематическое значение приобрели указанные четыре согласные переднеязычной артикуляции. Палатализация указанных согласных калмыцкого языка объясняется артикуляционно-физиологической причиной, т. е. дополнительной артикуляцией средней части спинки языка, ее поднятием к твердому небу. Отмеченные согласные калмыцкого языка имеют сильную степень палатализации, что обусловлено высоким положением средней части спинки языка, большим приближением ее к твердому небу. Такое положение языка при указанных согласных исторически объясняется образованием их вследствие редукции гласного *и*, следовавшего за ними и требовавшего сильного подъема средней части спинки языка к твердому небу.

Таким образом, оказалось возможным фонематическое противопоставление твердых согласных *л, н, д, т* соответствующим мягким согласным. Смыслоразличительная роль палатализованных согласных иллюстрируется на большом фактическом материале. Здесь приведем некоторые примеры: холь «далеко», хол'ъ «смешай», халсън «согретый», хал'сън «кожура», тань «перламутр», тан'ъ «опознай», хатъ «сохни», хат'ъ «приправа», удвър «расширение», уд'вър «скука», сулар «свободно», сул'ар «овсом» и др.

Исторически, как отмечают Г. И. Рамstedт¹, Б. Я. Владимирцов², Г. Д. Санжеев³, чего придерживается и автор этих строк, палатализация согласных в монгольских языках, как было указано, произошла под влиянием краткого *и* на его предшествующий согласный.

¹ Г. И. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. С.-П., 1908, стр. 30.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 363.

³ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 119. Его же Старо-письменный монгольский язык, М., 1964, стр. 19—20.

В калмыцком языке имеются увулярные согласные, обозначаемые на письме знаками **х** и **һ**. В литературе по калмыцкому языку указанные звуки отнесены к заднеязычным согласным. Проведенные исследования показали, что согласные **х** и **һ** не являются заднеязычными. Оказалось ошибочным мнение отдельных монголистов, рассматривавших звонкий щелевой **һ** как спирантный вариант заднеязычного смычного **г**.

Согласные **х** и **һ** классифицируются нами как особая увулярная группа по своим фонетическим и фонематическим признакам. Большой фактический материал, где согласные **г** и **һ** употреблены в одинаковых и сходных фонетических условиях, позволяет отнести эти согласные к особым самостоятельным фонемам, играющим в калмыцком языке фонематическую или смыслоразличительную роль.

Здесь же мы ограничиваемся указанием на то, что выделение фонематических групп произведено по признакам смычности, щелинности, глухости, звонкости, сонантности, губности, язычности, увулярности, твердости и мягкости, что видно из приведенной в работе таблицы системы согласных фонем калмыцкого языка.

Выделение и описание обязательных типичных оттенков фонем, являющихся конкретной формой существования этих фонем, изучение условий их обязательного употребления позволили более обоснованно обобщить и фонематические признаки согласных калмыцкого языка.

Фонемы калмыцкого языка, как и любого другого, имеют и дополнительные фонетические признаки. В современном калмыцком языке к оттенковым признакам согласных можно отнести следующие фонетические признаки: огубленность и неогубленность, смягченность и несмягченность, назализованность.

Описание согласных. Согласные фонемы описываются в порядке артикуляции речевых органов; губные, язычные (переднеязычные и заднеязычные) и увулярные. Внутри каждой группы согласные описываются отдельно по способу образования в обычном порядке (смычные, щелевые, дрожащие) с последующим делением на глухие и звонкие, сонорные, твердые и мягкие.

При описании отдельных фонем выявляются особенности конкретного оттенка с привлечением экспериментальных данных, полученных киносьемкой губной артикуляции, пневматическим, палатаграфическим, рентгенографическим и осциллографическим методами. В конце описания отдельных фонем

дается обобщающее определение данной фонемы — перечень ее фонематических признаков.

Сингармонизм

В монгольских языках сингармонизм строится на признаках ряда и огубленности. Г. Д. Санжеев отмечает, что «сингармонизм в монгольских языках есть закон регулирования вокализма слова, опирающийся на деление гласных на мужские, женские и нейтральные и, в пределах соответствующего ряда, на явления губного притяжения».¹ В калмыцком же языке закон регулирования вокализма слова опирается на деление гласных по месту их образования, т. е. на задние и передние, а в пределах соответствующего ряда на невозможность наличия гласных о, о:, ө, ө:, э, э:, отчасти и, и: в непервых слогах слова.

Фонологическое деление гласных в калмыцком языке не совпадает с фонетическим, артикуляционным. Так, гласный и по своей артикуляции является переднерядным, составляя фонологическую оппозицию к среднерядному ы, но с точки зрения сингармонизма является нейтральнорядным, т. е. может сочетаться с гласными заднего ряда.

Гласные переднего или мягкого ряда обозначаются буквами э, ө, ү, и, э, е, а заднего или твердого ряда — буквами а, о, у, ы, я, ю, ё.

При артикуляции переднерядных гласных имеется общая тенденция к движению языка вверх и вперед, а при заднерядном — к движению языка вниз и назад. Поэтому в словах калмыцкого языка исключается соседство гласных двух разных рядов.

Закон гармонии гласных гласит (в орфографической записи):

1. В одном слове могут встречаться гласные только одного ряда. Гласные разных рядов не могут находиться в одном слове. Присоединяемый суффикс или падежный аффикс должен иметь гласные такого же ряда, как и гласные основы: ма-на «наш», тана «ваш», а не манэ, танэ. Отсюда: така «курица» — таката, маля «плетка» — малята, маляһар, хурнясн. «морщинка» — хурняста, көвүн «мальчик» — көвүнүр, көвүнэс, умшж бээнэ «читает» — умшжана, бичж бээнэ «пишет», бичжэнэ.

¹ Г. Д. Санжеев Монгольские языки. Рукопись, стр. 29.

2. Гласный и, будучи нейтральнорядным, встречается:

а) при словоизменениях в аффиксах со словами обоих рядов: һар «рука» — һариг, һариһән, ах «брат» — ахинэр, эк «мать» экинэд, экиһән, матих «скорчиться», коних «умереть», һурних «опустить голову»;

б) в синтетических конструкциях при образовании сложных глаголов: суужахшив «не сажусь», келжэхшивидн «не говорим».

3) За гласными первого слога а, о, у могут следовать в остальных слогах а и у, а за гласными э, ө, ү, э, и — только э и ү, иными словами, гласные о, ө, э, е не могут встретиться в непервых слогах слова: хада «гвоздь», хару «рубанок», ноһан «зелень», тоһрун «журавль», тэрэн «посев», бэрүл «рукоятка», көрә «пила», көвүн «мальчик», түрә «голеннице», үзүр «кончик», темән «верблюд», серүн «прохладный», ишкә «войлок».

4. Основа заимствуемых слов не подчиняется закону гармонии гласных. Но присоединяемый суффикс или падежный аффикс должен иметь гласные такого же ряда, каким является последний гласный основы слова: орден — орденэр, клуб — клубур, трактор — тракторас, артель — артельтә, медаль — медальта, Украина — Украинур, статья — статьяһас, сессия — сессэр, революция — революцас, самолёт — самолётур, съезд — съездәс, съездүр.

Примечание: после гласного ы основы при словоизменениях следуют мягкорядные гласные: лыж — лыжэр, лыжүр, акын — акынмүдүр, атых «скорчиться» — атыһэд, атыһнәс.

Гласные и согласные фонемы в потоке речи

В потоке речи звуки подвергаются определенным изменениям в зависимости от тех или иных фонетических условий; обнаруживаются различные случаи взаимодействия звуков между собой. Эти взаимодействия звуков очень многообразны, особенно в калмыцком языке, что вызвано, главным образом, редукцией гласных, повлекших за собой непосредственное сочетание разных по артикуляции согласных.

Гласные в потоке речи. В отношении гласных характерными являются следующие процессы:

1) Появление гласного у ≈ ү в результате перехода губно-губного в у ~ ү при спряжении глаголов прошедшего времени на в по лицам, что закрепляется теперь на письме: келв — «говорил», келүв — «я говорил», келүч, келүт.

Имеет место переход в в у—ү и при стечении губно-губного в с другими согласными, особенно в окружении сонорных и щелевых согласных: тарус «арбуз» < тарвьс, шөрү:сын «сухожилие» < шөрвьсн, желүш «сказал» < келвьш, келүзэ «возможно скажет» < келвзэ, сонсу:рчъ «послушный» < соңсвърчъ.

2. Появление полнозвучного и в позиции между отрицательной частицей ш и лично предикативными частицами — в, — видн, что нашло свое отражение на письме, например: келхшив «не скажу», шелхшивидн «не скажем». В указанных словах отрицательной основой является: келхъш «не говорит», суухъш «не сидит».

Полнозвучный и появляется также между конечной согласной слова и вопросительной частицей — й?, например: келхий? «не говорит», келхий? «скажет?», суухий? «сядет?», көвүний? «мальчик ли?».

Сюда следует отнести появление полнозвучного и в словосочетаниях типа: келжъ оркжъ > келчкиж «сказал», белджъ оркжъ > белдчкиж «подготовил».

3. Появление редуцированных гласных в конечной позиции слова в результате метатезы болдъ вместо болъд «сталь», аздъ вместо аzyd «необузданный».

Любопытно отметить появление вновь редуцированных гласных там, где они раньше были и восходили к полногласным: дэръ «подушка» < дэр < дэръ < дэрэ, тусъ «польза» < тус < тусъ < туса; орсь «русский» < оръс < орос < рос. Теперь в говорах бытуют на равне: тусъ и тус, дэръ и дэр, тэвшъ и тэвш, орсь и оръс и т. д.

Указанный процесс появления в конечной позиции слова редуцированных гласных свидетельствует о тенденции образования открытых слогов, в особенности при скоплении согласных.

Согласные в потоке речи.¹ Согласные подвергаются различным ассимиляциям. Ассимиляции бывают полные и частичные. По характеру движения самих уподобляемых звуков ассимиляции в калмыцком языке подразделяются на: а) прогрессивную, б) регрессивную, в) прогрессивно-регрессивную.

По каждому из указанных видов ассимиляции приведено в «Современном калмыцком языке...» подробное исследова-

¹ В нашей работе учтены некоторые положения, изложенные А. Ш. Кичиковым в его книге «Дербетский говор», Элиста, 1963 г.

ние. Затем рассматривается диссимиляция. Диссимиляция, как и ассимиляция, бывает прогрессивная и регрессивная. На конкретном материале иллюстрируется более шести типов диссимиляций.

Наблюдается более 11 типов различных выпадений согласных в потоке речи. На стыке морфем при их стяжении происходит скопление согласных. В этих случаях язык стремится высвободиться от излишних согласных: келжэнэ «говорит» < келжъ бээнэ, нарчовна «выходит» < нарчъ йовна, суучадхъш «не может сидеть» < суужъ чадхъш, келдго «не говорящий» < келдгъ+го, кишго «несчастный» < кишгъ+го < кишъг уга. В дальнейшем кишго развился в кишва≈кишвэ.

В калмыцком языке есть слова, где под влиянием последующего ч предшествующий д давно выпал и его существование можно установить при словообразовании и словос изменении: өвчън «болезнь» < өбөчин < эбэдчин, ню өвдхъ «болеть».

Многочисленны случаи выпадения или перестановки согласных в отдельных словах, например: аһурсън < аһрусън «животное», көндэ < көндрэ «трогай», жэмчъ < кембчъ? «кто ты?», аму:лн < амһулан «спокойствие», зокча < зоксча «постой», өкънчън < өгхънчън «дай-ка», тиикъ < тиикхъ «таким образом», харъмшго < харъмъншго «не пожалеет», альков > акав «ну-ка», саахнакъ < саахъндакъ «тот самый» и др.

Приведенные данные об изменении звуков в потоке речи свидетельствуют о больших фонетических изменениях, происходящих в калмыцком языке. Главная причина указанных звуковых изменений заключается в крайней степени редукции кратких гласных непервых слогов слов. В связи со скоплением согласных происходит упрощение консонантных групп в слове. Это вызвало такие закономерные явления, как появление полновзвучных гласных, замена смычных согласных щелевыми и выпадение «излишних» звуков, направленных к тому, чтобы обеспечить соответствующую гармонию звуков в потоке речи.

Слог и слоговоеделение

Проблема слога в калмыцком языке является сложной. Сложность этой проблемы вызвана крайней степенью редукции кратких гласных непервых слогов слова.

Кимографические и осциллографические записи показывают, что редуцированные гласные не всегда образуют слог.

В некоторых случаях они сохраняются, а в других появляются в потоке речи между сочетающимися согласными, разноместными по своему образованию. В примерах: һаръм «его группа» и др. редуцированные гласные появляются в ходе работы голосовых связок в момент произнесения сочетающихся согласных, разных по месту своего образования. В словах хульһънъ, кедъмън, буръмъха и др. редуцированные гласные средних слогов представляют остаточное явление, и сохранились по указанной выше причине разноместности образования сочетающихся согласных и дрожащего характера сонанта р.

Инструментальная запись также дает: тоһърун «журавль», хонъхъ «ночевать», беръгън «старшая сноха», чимъгън «костный мозг». После һ первого слога, н — второго, р — третьего, м — четвертого имеются еле заметные признаки гласных. Это свидетельствует о том, что рефлекс гласных остается и тогда, когда сонорная длительность редуцированных гласных равна нулю. В указанных примерах имеется фактически не по три, а по два слога. Стало обычным явлением, когда слова могут быть с открытыми трехфонемными слогами, закрытыми трех- и четырехфонемными слогами: күр-крән «рычание», хат-хна «колет», күр-гнә «доводит», сет-клин «сердечный», ман-гдур «завтра», соң-схъ «слушать», гөн-грул-нә «облегчает» әр-въл-гднә «экономится», һар-што «не выпустит».

Изученные материалы позволяют сделать следующие выводы.

1. Редуцированные гласные хотя и сохраняются, но не образуют слоги при наличии последующих за ними, полногласных слогов: не дуһъ-рул, то-һъ-рун, цоо-рь-ха, шам-дъ-һа, а ду-һрул «юла», то-һрун, «журавль», цоо-рха «пробоина», шам-дһа «проворный».

2. Редуцированные гласные, подвергаясь скольжению или выпадению, не могут образовать слоги. Это происходит в следующих случаях:

а) при наличии следующего за неясным гласным открытого слога с любым гласным: та-гъ, бич-кън, кә-хъ, но та-тхъ «тянуть», бич-кнә-съ «от молодости», кә-хлә «если сделать», әр-тхън «рановато»;

б) в двухсложных словах при выпадении или скольжении редуцированного гласного второго слова, если за ним следует полногласный слог: мөр-рън «лошадь», күм-сък «брови», күр-зъ «лопата», но мөр-тә, күм-сктә, күр-стхъ, тос-хкар (орф. тосхар).

Редуцированные гласные последовательно сохраняются и не теряют своей слогообразующей роли в следующих случаях:

1. В конечной позиции слов: и-кь «большой», ба-ть «крепкий», дел-гүл-хь «развернуть», кем-бь «кто?», һан-зһь «то-рока».

2. В неконечных слогах при наличии в конечной позиции слога закрытого слога с редуцированным гласным или конечного открытого слога со скоплением нескольких согласных: күүн-тхь-мьн «будем говорить», эц-кь-нър «отцы», соң-сь-гдна «слышится», кө-дль-мьш-чь-нър «рабочие», тоң-гь-рьк «перочинный нож», ав-чкь-сьн «взявший».

3. В неконечных закрытых слогах многосложных слов независимо от характера конечных слогов слова: шор-һьл-жьн «муравей», де-сьн-шьн «подобно веревке», бу-рьм-ха «болтливый», ээм-шьк-тэ «опасный», да-һьм-нхь «положить в карман», кө-гьл-жър-һнь «голубь».

Широкое развитие получает такое явление, когда при глаголообразовании с помощью суффикса ль редуцированный гласный предшествующего слога выпадает: це-рьк, но цер-гль-хь «служить», э-кьн «начало», но э-кль-хьм-бь? «начнем?», һал-зьн «лысый», но һал-зль-хь «сбрить», ки-чьк, но кич-гль-хь «ощениться».

Далее рассматривается слогообразующая роль сонорных согласных и делаются выводы о том, что сонорные согласные хотя не решают всей проблемы слогообразования, но их слогообразующая роль в некоторых позициях калмыцких слов значительна.

Важную роль в делении калмыцких слов на слоги и в определении типа и состава слогов играет не только характер произнесения согласных звуков, но и их звучность.

Далее подробно излагается принцип слогоделения.

Сильноконечные¹ согласные (когда конец согласного сильнее его начала) находятся перед вершиной слога.

Сильноначальные согласные (когда конец согласного слабее его начала) находятся после вершины слога).

На основании изложенного, приведены шесть основных положений по слогоразделу слов калмыцкого языка.

Затем отмечается, что в пределах одного слова калмыцкого языка в зависимости от чередующегося расположения

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 46.

гласного и согласного (согласных) звуков в калмыцком языке различаются слоги: 1) открытый, 2) полузакрытый, 3) закрытый. Комбинации этих слогов дают слова с различными типами слогов, о чем подробно изложено в работе.

В заключение указывается: 1. Все слоги калмыцкого языка сводятся к следующим типам: 1) открытый, состоящий из одного гласного (г), б) из согласного и гласного (сг), 2) полузакрытого, состоящего из гласного и согласного (гс), 3) закрытого, состоящего из согласного, гласного и согласного (сгс). Первые слоги слова могут быть: а) открытыми двух- и трехфонемными (сг-сгг), но иногда четырехфонемными (сг-сгсг), б) закрытыми трех- и четырехфонемными (сгс-сгсг), иногда пятифонемными (сг-сгсгс).

2. Одной из основных особенностей слогораздела в калмыцком языке является то, что начальный слог, соответственно и слово, не может начинаться с сочетаний согласных. За последнее время в живой речи подобное явление наблюдается только в одном слове **блэ** < **билэ** «был».

3. По своей структуре слоги и слогораздел коренных калмыцких слов являются сравнительно простыми. Сложность при определении калмыцкого слога и слогораздела возникает в производных словах на стыке морфем, где в результате скольжения или выпадения редуцированных гласных происходят различного рода ассимиляции согласных и резкое расхождение между произношением и письмом.

4. Хотя слог является фонетической единицей, но в калмыцком языке допустим фонетико-морфологический принцип слогаделения: на стыке морфем согласные элементы морфем не подвергать фонетическим изменениям. Это позволяет сознательно применять правила орфографии. Учащиеся, научившись грамоте в первом классе по слоговому фонетико-морфологическому принципу, быстро начинают читать целыми словами.

Ударение

Ударение калмыцкого языка, как и слог, является наименее изученным. А. Бобровников указывал, что ударение в монголокалмыцком языке падает на последний слог слова.¹

Б. Я. Владимирцов же считал, что ударение в монгольских языках падает на первый слог.²

¹ А. Бобровников. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 33.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., Л., 1929, стр. 97.

Система ударения, как известно, может претерпевать значительные и довольно быстрые изменения. Это особенно относится к ударению в калмыцком языке, где произошли значительные фонетические изменения, отсюда и структурные изменения слова: редукция кратких гласных непервых слогов, стяжение двух слогов в один, образование долгих гласных. Сокращение длительности долгих гласных непервых слогов в некоторых позициях слов вызвало, в свою очередь, изменения в ударении калмыцкого языка. До сих пор считалось, что ударение в калмыцком языке экспираторное, характеризующееся усилением силы выхода воздуха при произношении того или иного гласного в слове. Исходя из этого, ударным считали первый слог, где гласные являются ясными и отчетливыми.

Многолетнее наблюдение и экспериментальные данные позволяют сделать вывод о наличии силового, или динамического, ударения в калмыцком языке, при котором главную роль играет не большое количество выдыхаемого воздуха (экспирация), а сила фонации. Отсюда основным критерием для определения ударения в калмыцком языке является интенсивность в произнесении гласного. Интенсивность определяется амплитудой колебания воздушной струи, т. е. степенью удаления кривой от нулевой линии. Ротовые кривые калмыцких гласных на кимограммах, особенно на осциллограммах, с предельной ясностью фиксируют, гласные какого слога произносятся более интенсивно.

В ударных слогах колебания бывают более частые и с большей амплитудой вибрации. В тех случаях, когда интенсивность как кратких, так и долгих гласных в слове одинаковая или почти одинаковая, ударным будет гласный с большей длительностью. Долгие гласные имеют большую амплитуду колебания, т. е. большую интенсивность. Отсюда можно говорить о наличии в калмыцком языке элементов количественного (длительного) ударения в тех случаях, когда подударный гласный имеет и силу звучания и длительность, иными словами, в калмыцком языке в основном доминирует силовое ударение, с которым в той или иной степени может совмещаться ударение количественное. Поэтому акустическая длительность, имеющая место в подударном слоге, может рассматриваться как один из компонентов силового ударения.

Далее подробно излагается классификация ударения.

Ударение в калмыцком языке имеет строго определенную систему. В зависимости от количества слогов в слове, характера гласных в них, а также занимаемых ими позиций в слове ударение может падать на первый, последний и предпоследний слоги (ахъ — «старший брат», дэ:вър «крыша», ху:рэ «сухой», утан «дым», шамдһа «ловкий», тасърха «отрывок», хата:хъ «сушить», даруькь «следующий», хура:иһу «сборник»¹ и др.

Ударение в калмыцком языке, в отличие от русского, является фиксированным, т. е. связанным. Фиксированность позволяет определить точное место ударения и вывести соответствующее правило. Однако в калмыцком языке допускается некоторая подвижность ударения, например, така (журица) — таката:дъ (имеющему курицу).

Словесное ударение в калмыцком языке является динамическим, в котором имеются элементы количественного ударения. Это видно из того, что ударные гласные калмыцкого языка отличаются от неударных не только силой звучания, но и длительностью. При этом интенсивность преобладает над длительностью. Интенсивность является постоянным и наиболее общим фактором. Сонорная же длительность является дополнительным фактором, так как в калмыцком языке различаются по своей природе долгие и краткие гласные. В русском же языке увеличение сонорной длительности является обязательным фактором.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

По исторической фонетике калмыцкого языка еще нет у нас специальных работ. «Тодо бичиг» еще не стал предметом глубокого научного исследования. Все авторы, которые занимались сравнительным изучением монгольских языков, освещали отдельные вопросы фонетики калмыцкого языка, исходя в основном из старописьменного монгольского языка. Между тем, письменные памятники на «Тодо бичиг» раскрывают очень интересные фонетические процессы, происшедшие в калмыцком языке в период создания этой письменности.

В наших работах «Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг»¹, «Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцко-

¹ «Ученые записки» КНИИЯЛИ, выпуск 7, 1969, стр. 239—259.

го языка»¹ исследуются отдельные вопросы фонетики калмыцкого языка в историческом плане.

Синхронный срез калмыцкого языка по письменным памятникам Зая-Пандиты засвидетельствовал наличие в калмыцком языке в середине XVII века следующих фонем:

1. Гласных кратких семь: а, о, у, э, ө, ү, и;

2. Гласных долгих семь: а:, о:, у:, э:, ө:, ү:, и:;

3. Дифтонгов семь: ай, ой, үй, эй, өй, үй, ий;

4. Согласных двадцать: б, г, н, д, ж, з, й, к, л, м, н, ц, п, р, с, т, х, ц, ч, ш.

Знаки «Тодо бичиг» показывают, что отношения между буквами и звуками в языке калмыков тогда были очень близки. «Тодо бичиг» дает прямой ключ к объяснению ряда непонятных явлений в истории развития фонетической системы монгольских языков, так как эта письменность отражала последнюю фазу среднего периода в развитии монгольских языков и диалектов. В этом отношении «Тодо бичиг» имеет большое научное значение в общей монголистике.

Губная ассимиляция

Монголисты склонны были предполагать, что губная ассимиляция, отраженная в «Тодо бичиг», — явление, относящееся к хошутскому говору, на котором был составлен «Тодо бичиг».

Остаточные явления с губной ассимиляцией в языке донских, оренбургских и уральских калмыков, словарный материал указанных выше двух словарей, наличие топонимических названий с губной гармонией, наличие губной гармонии в языке дербетов и торгутов, а также в языке дербетов и торгутов МНР свидетельствуют о том, что губная ассимиляция, отраженная в «Тодо бичиг», — это общеойратское явление, относящееся ко всем говорам ойратского, следовательно и калмыцкого языка.

Губная ассимиляция гласных непервых слогов произошла в следующих позициях:

1. Негубные гласные а, э и дифтонги ай, эи непервых слогов подвергались последовательной губной ассимиляции под влиянием гласных о и ө первого ударного слога слова: олзо «польза», онцо «особый», торһон «шелк», хойор «два», олон «много», нохой «собака», соответственно восходящие к старописьменному монгольскому: олза, онца, торһан, хойар, олан, нохай и т. д.

¹ «Записки» КНИИЯЛИ, выпуск 3, 1964 г., стр. 40—68.

2. Узкие губные гласные у и ү непервых слогов слова подверглись регрессивной ассимиляции о и ө первого ударного слога слова, за исключением закрытого слога с конечным н, например: солонхо «радуга», сохор «слепой», доһолон «хромой», толоһои «голова», восходящие соответственно к старописьменному монгольскому: солуцна, сохур, доһулан, толууһаи.

3. Губные гласные у и ү непервых слогов, будучи в закрытых слогах с конечным н, большей частью не подверглись регрессивной ассимиляции о и ө первых ударных слогов слова: модун «дерево», шобун «птица», мөнгүн «деньги», тосун «масло», мөсүн «лед».

Встречается в письменных памятниках немало слов, когда гласные у и ү непервых слогов, не подверглись регрессивной ассимиляции о и ө, будучи в других, обычно закрытых, непервых слогах: мөргүл «моление», өндүр «высокий», көкүл «грудной», төгүриг «круглый», болугсан «ставший». В коренных словах губной ассимиляции подверглись, в основном, вторые слоги после о и ө первого слога. Что касается губной ассимиляции в третьих и последующих слогах, то она является не закономерной, а частичной, вызванной одновременным процессом ассимиляции, а отчасти, возможно, орфографическим приемом более позднего периода. Об этом говорит разноречивый, допускаемый в письменных памятниках и в калмыцких словарях.

Интересно отметить, что А. Соколов приводит орчилон «вселенная» так же, как в «Алтан гэрэл», что перекликается с современным живым разговорным халха-монгольским орчлон.

4. Конечные дифтонги уи и үи многосложных слов в текстах Зая-Пандиты даются обычно без изменения, например: оһоторһуи «небосвод», өрөшө:гүи «милостивый». В анонимном словаре читаем окторгой, в словаре А. Соколова — окторгуи. А. Позднеев дает оһторһои «небосвод» и өрөшө:ңгөи «милостивый». Из этих написаний более точным будет написание типа оһторһуи и өрөшө:ңгүи, что соответствует оригиналу Зая-Пандиты, подтверждается А. Соколовым и перекликается с халха-монгольским огторгуй и өршөөнгүй.

Далее подробно показывается, в каких случаях образовалась губная ассимиляция и в каких — звуки не подверглись этой ассимиляции.

5. Сочетания у.а, ү.э непервых слогов слова, прежде чем развиться в долгие гласные о: и ө:, подверглись регрессивной ассимиляции, где сначала первые узкие компоненты у и ү под

влиянием ударных **о** и **ө** первых слогов и под воздействием последующих более широких **а**, **э** ассимилировались в **о** и **ө**, а затем последние в свою очередь повлияли на второй компонент **а** и **э**, подвергнув их регрессивной губной ассимиляции. Это схематически выглядит так: долу:ан > доло:он > доло:н «семь», оду:а > одо:а > одо:о > одо: «теперь», дөрү:э > дөрө:э > дөрө:ө > дөрө: «стремя».

Губная ассимиляция гласных произошла главным образом под влиянием ударных **о** и **ө** первого слога слова и вследствие начавшегося ослабления позиции кратких гласных непервых слогов. Материалы исследования показывают, что процесс губной ассимиляции завершился, в основном, до периода создания «Тодо бичиг» и связан с общим процессом губной ассимиляции, происходившим в монгольских языках.

Губная ассимиляция гласных в живой речи калмыков, видимо, начала нарушаться раньше XIX века. Краткие гласные **о** и **ө** непервых слогов становились неопределенными, а долгие гласные **о:** и **ө:** стали подвергаться так называемому явлению раскрытия и по аналогии с ударными **ан** и **эн** непервых слогов слов ассимилировались из **он** и **эн** в **ан** и **эн**: доло:н > дола:н подобно словам уда:н «долгий», дула:н «теплый» или эмэ:л > эмэ:л «седло». Указанный процесс перехода **о** в **а**, **э** в **э** в непервых слогах, видимо, завершился к концу XIX века. Эти явления подтверждаются и такими фактами. Недалеко от местности Чигилег Кокпектинского района Семипалатинской области имеется горная возвышенность с вершиной, которая называется «Толохой» «голова». Слово толохой восходит к старописьменному монгольскому толууай, а в современном калмыцком языке — толһа. В Челябинской области есть населенный пункт Долодокчи. Все русское население и оренбургские калмыки произносят долодокчи. Это название означает «Седьмое». Но слово «семь» оренбургские калмыки теперь произносят уже как долан. Приведенные примеры и другие подобные топонимические названия являются также свидетельством губной ассимиляции гласных, имевшихся в калмыцком языке в период создания «Тодо бичиг».

Ассимиляция гласного **э** первого слога слова в **ө** и **ү**.

В период создания «Тодо бичиг» в калмыцком языке произошла прогрессивная губная ассимиляция нелабиализованного **э** первого слога слова в лабиализованный **ү** и **ө**. Это касалось нелабиализованного гласного **э** первого слога слова, перешедшего в лабиализованный **ө**, имевший тоже средний подъем язы-

ка. Ассимиляция гласного э в ө полностью переключается с таким же явлением в монгольском языке.

Прогрессивная губная ассимиляция с переходом э в ө произошла при наличии в последующем слоге слова губно-губного б и гласного ү высокого подъема.

Гласные ө первого слога этих и подобных им слов не подверглись дальнейшей прогрессивной губной ассимиляции до уровня ү высокого подъема, так как в период создания «Тодо бичиг» уже началось ослабление, вернее, редукция кратких гласных непервых слогов слова, в том числе и гласного ү, который уже не мог оказывать в дальнейшем ассимилирующего влияния на предшествующие э и ө. Это подтверждает эволюция слова эбүл «зима» > өбүл > үбүл > үвъл. В этом слове полная прогрессивная губная ассимиляция э в ө, а затем в ү произошла, видимо, под влиянием устойчивого ү следующего слога значительно раньше создания «Тодо бичиг», так как в нем последовательно фиксируется үбүл. Это позволяет заключить, что в торгутском и хошутском говорах ассимиляции указанного типа произошли значительно раньше, чем в дербетском говоре.

В дербетском говоре, как и в монгольском языке, слово эбүл «зима» подверглось губной ассимиляции значительно позже. Это видно из өвөл в монгольском и өвъл — в дербетском.

Затем в словах, где сначала произошла прогрессивная губная ассимиляция гласного э первого слога с переходом в ө, под влиянием этого ударного ө первого слога происходит уже обратная регрессивная ассимиляция гласного ү непервых слогов слова в ө, например: тэмүр > төмүр > төмөр «железо», эдүр > өдүр > өдөр > өдър «день».

Указанными процессами, происходившими одновременно, следует объяснить кажущийся разницей, встречающийся в письменных памятниках Зая-Пандиты в написании слов с губной ассимиляцией.

Слова типа эбэдчин «болезнь», эмүнэ «впереди», встречающиеся в рукописных текстах Зая-Пандиты, свидетельствуют о том, что гласные э этих слов подверглись губной ассимиляции значительно позже создания «Тодо бичиг». В слове эбэдчин нелабиализованный начальный э перешел в ө под влиянием губно-губного б при эволюции последнего в губно-губной целевой в при сильной редукции гласного э второго слога, который не мог уже оказать никакого влияния на гласный э предшествующего начального слога.

В слове эмүнэ «впереди» начальный нелабиализованный э

подвергся губной ассимиляции не только под влиянием гласного у второго слога, позиция которого еще не была полностью ослаблена, но и губного м. В современном калмыцком языке произносится өвчн «болезнь», өмнъ «впереди». Как видно, эти слова изменились до неузнаваемости.

О переломе гласного и

Монголисты произвели обстоятельный анализ перелома гласного и. В этом отношении значительный научный интерес представляют данные из текстов перевода Зая-Пандиты, свидетельствующие о том, что в период создания «Тодо бичиг» не произошло перелома и во многих калмыцких словах. Таковы, например: чино «волк», чимаду «тебе», чидаху «мочь», чилоун «камень», чихула «важный», нидун «глаза», шилтан «причина», нилбүсүн «слеза» и др. В «Алтан гэрэл» неоднократно встречались написания: ниһууца «сокровенный», ниһүүр «лицо». В современном калмыцком языке эти слова уже произносятся: чонъ '«волк», чамдъ «тебе», чатхъ «мочь», чолун «камень», чухъл «важный», нүдн «глаза», шалтък «причина», нүлъмсын и нолъмсын «слеза», нуць «сокровенный», нүр «лицо».

Однако в современном калмыцком языке есть немало слов, в которых перелома и не произошло, например: чинър «значение», жид «штык», «пика», жирън «шестьдесят», жирһъл «жизнь», «блаженство» и др., восходящие соответственно к чинар, жила, жирэн, жирһал. В монгольском языке в этих словах произошел перелом гласного и: чанар «качество», жад «штык», «пика», жаран «шестьдесят», жарһал «блаженство» и др.

Изложенное выше свидетельствует о неравномерном процессе перелома гласного и, и о том, что этот перелом и в калмыцком языке в целом произошел несколько позже, чем в монгольском.

Долгие гласные

Старокалмыцкая письменность, отражающая последнюю фазу среднего периода развития монгольских языков, зарегистрировала, во-первых, образование долгих гласных в результате стяжения рядом стоящих двух гласных, во-вторых, наличие еще не завершенного процесса образования долгих гласных из некоторых сочетающихся гласных.

Образование долгих гласных произошло:

а) при наличии стоящих рядом одинаковых гласных. В

стяжении их в Один долгий гласный способствовала общая, одинаковая их артикуляция: уга:н «дым» < уга.ан, эмэ:л «седло» < эмэ.эл, хо:сун «пустой» хо.осун, чи:г «сырость» < чи-иг, ууху «пить» < у уху, дүүрэн «полный» < дү.үрэн;

б) когда гласный компонент одного подъема, оказавшись в окружении гласных других подъёмов, ассимилируется в последнее гласное: така «курица» < таки.а, кэээ: «когда» < кээи.э.

в) при наличии в первом слоге гласных о или ө сочетающиеся с ним любые гласные, а также любые сочетающиеся гласные непервых слогов уподоблялись стоящему впереди гласному первого ударного слога о или ө по закону губной гармонии: то: «число» < то.а; тогто:л «установление» < тогта.ал, бө:рө «почка» < бө:эрэ; доло:ху «лизать» < до-ли.аху;

г) когда гласный и мягкого ряда, оказавшись в окружении твердоядных гласных, ассимилируется своему твердоядному компоненту: хура:ху «собирать» < хури.аху; таша: «тазовая кость» < таши.а;

д) когда любой предшествующий компонент сочетающихся гласных уподобляется своему последующему (последнему или предпоследнему) ударному слогу: бүлэ:н «теплый» < бүли.эн; зурһа:н «шесть» < зурһу.ан; инэ:дүн «смех» < ини.эдүн.

Что касается знака долготы после долгого и; то здесь наблюдается еще определенный орфографический прием: передача на письме сочетания **иа, иэ**, не успевших еще стянуться в соответствующие долгие гласные: тэжи:л «питание», цэ:жи:р «грудью», хажи:р «косой», бичи:чи «писарь», унши:д «читая», күли:сүн «ждавший», нари:р «тоньше», сэри:д «проснувшись». В живой же речи в тот период произносили скорее тэжиэл, цэ:жиэр, хажитар, бичиэчи, уншиад, күлиэсүн, нариар, сэриэд. Об этом говорят примеры из анонимного словаря: күчиэр «наильно», умшиачи «читатель», хубиари «раздел» и др. Это значит, что гласный и непервых слогов, особенно после шипящих **ч, ж и ш** был очень устойчив. Вторые его полногласные компоненты а и э как коренные, так и стянутые на стыке морфем, не обозначались на письме. Такой способ соответствовал общепринятому принципу обозначать долгие гласные в орудном падеже и в разделительном деепричастии одной буквой со знаком долготы. Таким образом, Зая-Пандита не допускал двойного способа обозначения аффиксов в указанных случаях. Вместе с тем, он не мог передавать вторые их

компоненты через а и э; тогда читались бы *циз* вместо *ч, ж*; *тэзэ:л, хаза:р, бицэ:чи* вместо *тэжн:л, хажи:р, бичи:чи*, что отвечало принятому принципу орфографирования.

Кроме того, указанным способом обозначалась начавшаяся палатализация согласных *л, н, т* под влиянием следующего за ним гласного в твердоядных словах: *хан'и:дун* «кашель», *хат'и:р* «редкий», *бар'и:д* «поймав», *мал'и:* «плетка», *хар'и:д* «возвратившись». В живой речи, видимо, произносилось скорее так: *хан'иадун, хат'иар, бар'иад*. Не исключена возможность произношения отдельных слов указанного типа с долгой *и:*.

В языке донокских калмыков встречается *хал'и:ху* «смотреть».

Старописьменный калмыцкий язык зафиксировал сочетания гласных *оу, өү, иу, иү*. Эти сочетания гласных не обозначают собой долгие гласные *у:, ү:*. Здесь Зая-Пандита зарегистрировал не орфографический прием обозначения долгих гласных, а фонетический процесс, когда еще не произошло стяжение двух сочетающихся гласных в соответствующий долгий.

Последовательное обозначение *оу*, восходящих к *ау* зарегистрировано не только в письменных памятниках Зая-Пандиты и его учеников, но также и в русских источниках, в которых встречаем: Лоузан «имя», торгоуты, хошоуты — названия ойратских поколений.

Вместе с тем, заслуживают пристального внимания отдельные факты, когда вместо ожидаемого сочетания *оу* встречается долгий *уу*. В «Алтан гэрэл» наряду с *шобоун, адоун* встречается *шобуун* «птица», *адуун* «табун». В биографии Зая-Пандиты наряду с *соуху* имеется *сууху* «сидеть». Такое различие позволяет заключить, что уже в середине XVII века, а возможно и несколько раньше, были отдельные случаи стяжения двух гласных типа *оу* в долгий *уу*, которое в дальнейшем приобрело последовательный характер.

Сочетание *өү* восходит к *эгү*. В слове, например, *эгүдэн* > *эүдэн* «дверь» комплекс *эгү* развился сначала в *эү*, а затем в ойратском языке в *өү*. Таковы: *зөүн* «левый», *сөүл* «хвост», *көбөүн* «сын».

Сочетания *иу* и *иү*, восходящие к *иһу* и *иһү*, последовательно обозначаются в зая-пандитской письменности: *ариун* «чистый», *сэриун* «прохладный». Эти сочетания развились соответственно в долгие *у:* и *ү:* несколько позже, чем сочетания *оу* и *өү*.

В образовании **өү** происходит такой же процесс как при **оу**, с той только разницей, что при **оу** происходит подъем задней части спинки языка к твердому небу. При этом нелабиализованный **э** среднего подъема под влиянием последующего **ү** высокого подъема подвергается губной ассимиляции, оставаясь на среднем уровне подъема языка.

Интересно отметить, что «Алтан гэрэл» зафиксировал наряду с сочетанием **өү** еще **эү**, а также долгий **үү**, восходящий к **өү**, например: дэлгөү «сплошной», наряду с дэлгүү, эндөр-рүүлкүй «ошибиться», шүүсүн «сок». Эти примеры иллюстрируют неравномерный процесс образования долгого **үү**, восходящего к **өү** < **эү** < **эгү**. Здесь мы видим, во-первых, основной процесс, выражающийся в образовании двух гласных в виде **өү**, во-вторых, остаточные явления среднего периода в виде **эү**, восходящего к **эгү**, и, в третьих, начавшийся процесс перехода двух гласных **өү** в долгий гласный **ү**.

Анонимный словарь и словарь А. Соколова во всех случаях отмечают долгий **у**: и **ү**;, восходящие соответственно к **оу** и **өү**. Слово ноур один раз в словаре А. Соколова встретилось как нур. В анонимном словаре понятие «включаю» дается как ороулжибайнеби, а слово «пень» как хожоула. Стало быть, отдельные остаточные явления сочетаний **оу**, **өү** еще наличествовали в языке калмыков во второй половине XVIII века.

В целом же переход сочетаний **оу** и **өү** в долгие гласные был полностью завершён к концу XVIII века. Об этом говорят указанные выше два рукописных калмыцких словаря и то, что русские ориенталисты, занимавшиеся калмыцким языком, не отмечают в живой речи носителей языка XIX века сочетаний **оу** и **өү**, а констатируют наличие долгих **у**: и **ү**:.

А. Бобровников писал «...и так как нет никакой нужды для изображения звуков **у**: и **ү**: употреблять двойные знаки, то мы считаем начертания **оу** и **өү** незаконными, и, если можно их допустить, то только в письме, — для целей каллиграфических».

Таким образом, образование долгих гласных путем стяжения стоящих рядом двух гласных в результате выпадения интервокальных согласных **г**, **н**, **й** произошло неодновременно. Там, где не выпали указанные согласные, долгие гласные не образовались; например: калмыцкий хурһын «палец», нурһын «спина», бурятский хурга «палец», нурга «спина», а в монгольском — хуруу «палец», нуруу «спина», восходящие соответственно к хуруһун и нуруһун; или калмыцкий а:һ

«чашка», а монгольский аяга «чашка». В подговоре бузава есть бу:н'ъ «короткий, низкий», а во всех остальных говорах калмыцкого языка боһн'ъ, а в монгольском — богино, что восходит к боһуни «короткий, низкий».

Зая-Пандита в своих переводах зафиксировал күмүн «человек». Оренбургские калмыки и теперь говорят күмьн «человек», они не знали слова күн. Во всех остальных говорах происходит күн «человек». Правда, среди калмыков бытует выражение күмьн эмтн в смысле «человечество», причем күмьн < күмүн является древней формой. Как видно, выпадение интервокального м дало долгий гласный ү; что схематически выглядит так: күн < кү:н < кү:үн < күмүн «человек».

В настоящее время в живом языке калмыков наблюдается образование долгого а: в результате выпадения интервокального м. Наряду со словом хамаран бытует ха:ран «куда», где выпал интервокальный м. В монгольском языке данное слово получило дальнейшее свое развитие: хаа «где», которое вышло из хама: < хамиһа.

Происходит процесс образования долгого и: в результате выпадения интервокального й и стяжения стоящих рядом двух гласных на стыке морфем: би:дән «себе», что бытует наряду с бийъдән. Обычным становятся выражения: би:сн' «сам», би:дн' «самому». Однако при присоединении аффикса с начальным гласным сонант й основы слова не выпадает: бийин' «его самого», бийә:рн' «им самим», в подговоре бузава произошла замена сонанта й указанного местоимения на увулярный щелевой һ, который сохраняется при любых модификациях: биһън' «сам», биһин' «самого», биһди' «самому» и др.

В качестве примера образования долгого гласного на стыке морфем можно указать еще на образование аффиксов родительного падежа -и:н, -ы:н, исторически восходящих — к -ийин, -йин.

Кроме основного типа, в монгольских языках имеется в историческом плане комбинаторный или позиционный тип долготы гласных, который образовался в непервых слогах слова на стыке морфем. Примеры:

а) аффиксы -аца, -эцэ старописьменного монгольского языка в старописьменном калмыцком языке стали обозначаться с долготой гласных -а:ца, -э:цэ. Это значит, что в живом языке ойратов к периоду создания «Тодо бичиг» уже образовалась позиционная долгота гласных в указанных аф-

фиксах, ранее имевших краткие гласные: далаи э:цэ «из океана»; гэрэл э:цэ «со света», төүн э:цэ «от него», нада э:цэ «от меня».

В этих примерах, взятых из «Алтан гэрэл», стягивающиеся морфемы сохранились без изменения. В аффиксе э:цэ имеется аффриката ц.

В словаре А. Соколова и в анонимном словаре дается: мала:са «со скота», холоа:са «из далека», хубиа:сан «от части», одоно:са «отныне», цэригэ:сэ «от войска».

Аффриката ц уже в XVIII в. ассимилировалась и перешла в щелевой с, будучи в интервокальном положении;

б) старописьменные общемонгольские аффиксы **-бэр, -йэр, -бэн, -йэн** и др. в старописьменном калмыцком языке стали обозначаться с долготой гласных: **-бэ:р, -йэ:р -бэ:н, -йэ:н** и др. при любых словосочетаниях, без утери начальных их компонентов б, й: толһои бэ:р «головой», халоун йэ:р «горячо», күчи бэ:р «силой», тэрэ бэйэ бэ:н «он сам себя». В словаре А. Соколова и в анонимном словаре указанные аффиксы последовательно даются без начального компонента б и й (сүүлэ:р «напоследок», йоса:р «по закону»).

Наконец, аналогический тип долготы гласных. Этот тип долгих гласных образован из обычных кратких гласных односложных слов по аналогии с соответствующими словами, обычно образующими омонимы. Таковы гүн «глубокий», та «вы», кэ «делай» и др. Эти слова не имели долгих гласных. Слова же гү:н «кобылица», та: «предположи», кэ: «красивый» имели долгие гласные. В указанных парах слов, образующих омонимы, гласные теперь произносятся одинаково, как обычные краткие гласные первого односложного слова. Исторически вторая группа слов произносилась с долготой гласных: гүн < гү:н < гэгүн ~ гэгүү «кобылица», та < та: < таһа «предположи», кэ < кэ: < кэгэ «красивый».

Приобретение долготы гласными в словах гүн «глубокий», та «вы», кэ «делай» обнаруживается, если их изменить по падежам, вернее, когда они становятся неодносложными, причем происходит чередование кратких и долгих гласных: гүн — гү:нэ үсн «кобылье молоко», гү:нэ кемжэ «величина глубины», та — та:хь «предположить», та:нър «вы», кэ — кэ:ру:лхь «украшать», кэ:хь «делать» в торгутском говоре, подобно монгольскому хи—хи:х «делать», а в бурятском хэ—хэхэ «делать», как в дербетском говоре кэ — кэхь «делать».

Развитие дифтонгов в долгие гласные

Долгие гласные калмыцкого языка, восходящие к комплексам $г+й+и$, образовались в результате выпадения интервокального $й$ и стяжения рядом стоящих двух гласных в один долгий. Об этом говорят факты живого языка:

1). Образование аффикса родительного падежа с долгим $и$: $(-и:н)$ в результате выпадения интервокального согласного $й$, например: $бүли+йин > [бүли:н]$ «семьи», $хани+йин > хани:н$ «спутника», «коллеги».

2). Выпадение интервокального $й$ в некоторых позициях слов. В местоимении $бийъ$, восходящем к $бэйэ > бийэ$ «себя», согласный $й$ выпадает в живом языке калмыков в некоторых падежах: $би:дъ$ «у себя», $би:дэн$ «себе». Но наряду с этим допускается $бийдъ$ «у себя», $бийдэн$ «себе», $бийин$ «своего». Как видно, при выпадении интервокального согласного $й$ образуется долгий гласный $и$:

3). В словаре А. Позднеева одинаково обозначены слова «бросать» и «искать» хайиху.¹ Здесь даются фразы хайижи оркиху «выбросить», хайижу ирэку «сыскать». Нельзя предположить, что А. Позднеев не знал, что слово «бросать» исторически передавалось как хайиху. Видимо, в тот период, когда это слово было зафиксировано А. Позднеевым, гласный $а$ среднего слога слова хайаху был настолько редуцирован, что он имел (и) образное произношение, и это привело к графическому омоному со словом «искать». В живой же речи хайиху «искать» дало $хэ:хъ$, так как комплекс $айи$ развился в долгий $э$; в других же комплексах, где второй гласный не есть $и$, подобное развитие не имеет место: обычно этот гласный редуцируется, а согласный $й$ сохраняется. Таковы: $хайхъ < хайъху < хайаху$ «бросать», $байън < байан$ «богатый», $нойън < нойан$ «князь».

А. Попов и А. Бобровников, обозначавшие комплексы $г+й+и$, а также $г+и$ как дифтонги в виде сочетаний $г+й$, отмечают, что «звук $й$ в произношении никогда не отделяется ясно от предшествующей ему гласной, подобно русскому $й$ в слове, например, добрый. Особенно в конце слов в выговоре калмыков вовсе не слышен».²

Это значит, что в тот период в дифтонге $аи$, восходящем

¹ А. Позднеев. Калмыцко-русский словарь, 1911 г., С-Петербург, стр. 73.

² А. Бобровников. Там же, стр. 14—15.

к комплексам а+й+и, а+и гласный элемент и подвергся ассимиляции и редукации. При этом, будучи в первом слоге слова, ассимилировал предшествующий свой гласный компонент а, который перешел в долгий э: тайилаху > таилаху > тэ:лхъ «открывать», а в конечной позиции слова — в долгий э: в дербетском говоре (нахэ:) и долгий а: в торгутском говоре (наха: «свинья»). В подговоре бузава указанный гласный и компонента ай развил свой предшествующий компонент а в долгий а:, одновременно палатализовав последующий согласный л в л' например: тамл'хъ «открывать», ха:л'хъ < хаилаху < хайилаху «таять».

В словаре А. Соколова дифтонги передаются как сочетания г+и и г+й, а в анонимном словаре в виде г+и, например: харадаи «ласточка», хаичи «ножницы», наихалан «колебание», хаисан «котел», магнаи «лоб», хаиху «искать», хоино «позже», наир «игра», кэнэиби «вливаю», наилзуур «железы», баидал «состояние», үилэн «туча», аитэйиби «боюсь», харанаиби «браню», аймшик «опасность», ахаин «брата», хураин «дождя» и др. Авторы этих двух рукописных словарей, относящихся ко второй половине XVIII века, транскрибировавшие калмыцкие слова русскими, отчасти латинскими, буквами, отмечали такой период в развитии калмыцкого языка, когда произошло стяжение двух гласных в результате выпадения интервокального й. При этом гласный и компонента г+и, подвергаясь редукации, начал оказывать ассимилирующее влияние на свой предшествующий компонент.

Дифтонги калмыцкого языка в отличие от халха-мангольского и бурятского языков последовательно развились в долгие гласные. При этом в зависимости от занимаемой позиции в слове они получили различное развитие в говорах и подговорах калмыцкого языка.

Развитие двуслогов и дифтонгов в калмыцком литературном языке можно представить следующей таблицей.

Двоеслоги	Слоги		Дифтонги	Слоги	
	первый	средний		конечные	однослож- слова
айі > аі	э:	а: ≈ э:	аі >	а: ≈ э:	э:
эйі > эі	и:	э:	эйі >	э:	и:
ойі > оі	ө:	а:	оі >	а:	ө:
өйі > өі	ө:	э:	өі >	э:	ө:
уйі > уі	у:	у:	уйі >	у:	у:
үйі > үі	ү:	ү:	үйі >	ү:	ү:
ийі > иі	и:	и:	ийі >	и:	и:

Различное развитие дифтонгов в говорах и подговорах калмыцкого языка свидетельствует об единстве языка ойратов в историческом прошлом.

Развитие дифтонгов в долгие гласные началось, видимо, уже с конца XVII века, возможно, несколько раньше. Об этом говорят примеры транскрибирования целого ряда слов, встречающихся в указанных выше двух рукописных словарях. В словаре А. Соколова читаем: китун < кэйтэн «холодный», шаазһа < ша:заһаи «сорока», зурухаа < зурухаи «астрология», хаптаһа < хабтаһаи «плоский» и др. В анонимном словаре: килмиһа ≈ килмиһа < килмиһаи «заботливый», мартаһа < мартаһаи «забывчивый», хулһа < хулаһаи «воровство», хульдирха < хулдарихаи «скользкий» и др. В материалах Кумо-Манычской экспедиции 1861—62 годов зафиксированы топонимические названия: Купцын толга, Шара толгата, Эмнэ тоста, Ялмта, Амта-бургуста, Овата без каких-либо дифтонгов, тогда как указанные слова и аффиксы исторически имели дифтонги. Следовательно, к середине XIX века в основном было завершено образование долгих гласных, восходящих к дифтонгам, а к концу XIX века уже полностью завершается развитие дифтонгов в долгие гласные.

Об образовании некоторых фонем и о некоторых фонетических явлениях

В процессе исторического развития фонетической системы калмыцкого языка произошли еще очень интересные фонетические явления и образовались отдельные фонемы.

Фонемы **э** и **э:** Как известно, гласный **э** первоначально развился из гласного и соседнего слога; долгий **э:** восходит к дифтонгам и двослогам: **аи, айи** > **аи**.

Уже в конце XVIII века А. Соколов в своем словаре и автор анонимного словаря посредством знаков **я, еа** отмечают начало появления гласных **э, э:**, восходящих к дифтонгам: аря «едва», мя «на», мекля «лягушка», халиста «с козурой», тиигян «туда», шүтян «сбраз», үкряи «коровье», бичеачи «писарь», халаяца «осмотр», хурнеасун «морщинка», инеадун «смех», наряр «тоньше».

Пример: наряр (нарэ:р), что восходит к зая-пандитскому письменному нари:р (нариар) показывает, что гласный **э:** сначала развился из непосредственного сочетания **иа**. Здесь мягкорядный и высокого подъема, оказав смягчающее влияние на свой соседний **а**, сам подвергся ассимиляции под влиянием

уже гласного э низкого подъема, находящегося в ударном положении. Затем под влиянием этого же э второго ударного слога подвергся ассимиляции по переднему ряду гласный а первого слога нариар > нарэ:р > нэрэ:р подобно дербетскому манай > манэ: > мэнэ «наш».

В указанных рукописных словарях встречаются написания типа хаерцак «ящик», аемщик «опасность», хаеби «весла», саехан «хорошенький», даечи «воин», где сочетанием ае передается начавшийся переход дифтонга аи в долгий э. Переход дифтонгов, восходящих к двослогам, в долгие гласные, видимо, полностью завершился во второй половине XIX века. Об этом свидетельствует А. Бобровников, когда он отмечает, что «в произношении не всегда можно легко различить долгую гласную с мягким придыханием от долгой гласной с твердым придыханием». ¹ (Под мягким придыханием имеются в виду долгие гласные, восходящие к дифтонгам (Д. П.).

Таким образом, гласные э и э: образовались в результате:

1) Развития дифтонгов аи, эи и двослогов аий > аи в э: сэ:н «хороший» < саин < сайин, кэлнэ: «говорит» < кэ-лэнэи, мэ:һыг «косолапый» < майһаг.

2) Прогрессивной ассимиляции гласного а первого слога под влиянием мягкорядного ударного э непервого слога: нарэ:р > нэрэ:р «тоныше», танэ: > тэнэ: «ваш».

В Чилгире Яшкульского района встречается тэмэн «верблюду», что восходит к тэмэ:н < тэмэ:н. Это явление имеет место и в языке ойратов МНР. ²

3) Ассимиляции гласного а под влиянием соседнего гласного и, т. е. перехода его в мягкорядный э: табин > тэвн «пятьдесят», анги > энгъ «часть».

4) Ассимиляции по аналогии гласных э и ө непервых слогов слова под влиянием широкого ударного э мягкого ряда: эмэ:л > эмэ:л «седло», кэзэ: > кезэ: «когда», көдө: > көдэ: «пустыня», дөрө: > дөрэ: «стремя».

Гласный и оказал ассимилирующее влияние не только на соседний гласный а, но и на другие гласные. Так, в анонимном словаре отмечается харю «ответ», что следует читать как харү: < хариу, так как по русской транскрипции звук ү передавался через ю. Затем под влиянием ударного ү второго слога гласный а первого слога развился в э, например: ха-

¹ А. Бобровников, там же, стр. 14.

² Э. Вандуй, там же, стр. 147.

рү: > хэрү: . В словах морин, хорин, хуби, хурим твердоядные гласные первого слога развились соответственно в мягко-рядные: мөрүн «лошадь», хөрүн «двадцать», хувь «часть», хурьм «свадьба» под влиянием гласного и соседнего слога.

Благодаря различной эволюции гласного и, как отмечает Г. Д. Санжеев¹, многие слова со звуками заднего ряда перешли в слова со звуками переднего ряда. Во всех тех случаях, когда калмыцкие гласные переднего ряда соответствуют гласным заднего ряда других монгольских языков, следует считать, что эти гласные некогда были заднерядными.

Фонема в. Старописьменные памятники на калмыцком языке не регистрируют эту фонему в словах родного языка. В словаре А. Соколова один раз встретилось написание вайлей во фразе: Даарчивайней би «зябну». Это наводит на мысль, что начало появления звука **в** как целевого оттенка губно-губного смычного **б** относится к середине XVIII века. Как видно, указанный оттенок **в** появился в интервокальном положении на стыке двух слов. Уже к середине XIX века согласный **в** начал приобретать более самостоятельное фонемное значение. А. Попов отмечает, что «...**б** выговаривается в начале слова как **б**, в середине слова между двумя гласными — звуком, близким к **в**...».²

Очевидно, только к концу XIX века завершается развитие согласного **б**, занимавшего интервокальное положение, в самостоятельную фонему **в**. Однако и теперь наблюдаются отдельные примеры, показывающие неравномерный процесс становления этой фонемы. В дербетском говоре встречается эрбэка «бабочка», Эбэ (имя), а в конечной позиции слова сохраняется **б** с некоторым оглушением, тогда как в торгутском говоре в указанных позициях согласный **б** полностью перешел в фонему **в**. В потоке речи на стыке двух слов, наряду с выпадением начального **б** вспомогательного глагола бэ:хь в виде э:хь кэлжэ:хь < кэлжь бэ:хь, наблюдается переход **б** в **в**: келжэвэ:хь, келжэвэ:н, что больше всего бытует в речи донских калмыков.

В начальной позиции слова и в сочетании с губным сонорным **м** фонема **б** сохранилась без изменения. В силу этого заимствуемые слова с начальным **в** обычно осваивались

¹ Г. Д. Санжеев Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. стр. 75.

² А. Попов. Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847. стр. 10.

со звуком **б**, например: ба:л'цкъ «валенки», бинтър «венти-ра», багон «вагон» и т. д.

Фонемы **л', н', д', т'**. Способ орфографирования типа хани:дун «кашель», сунн:ху «подтягиваться», мали: «плетка» позволил заключить, что палатализованные оттенки некоторых согласных, образованные под влиянием соседнего и, наличествовали в языке калмыков в период создания «Тодо бичиг». Во второй половине XVIII века в указанных двух рукописных словарях уже отмечаются эти палатализованные согласные: салькин «ветер», ультрак «стелька», альман «яблоко», дольган «волна», бальчик «грязь», ханядан «кашель», аля «балованный», халюн «бобр», муудьхумжи «клевета». Вместе с тем, встречаем онисун «замок», хатиги «чирей», хэлир «косой», халисун «кожура», показывающие, что в этих словах еще наличествовал тогда оттенковый признак палатализации стоящих перед и согласных. Встречаются написания матаһар «кривой», уитан «узкий» без палатализации согласного т.

Эти обстоятельства показывают, что образование палатализованных согласных **л', н', д', т'** как особых самостоятельных фонем завершилось к концу XIX века.

В настоящее время происходит процесс образования палатализованных согласных **с'** и **з'**. В связи с этим настала необходимость распространения написания **ы** после твердых согласных **з** и **с**, а также после аффрикаты **ц**: манцын, классын, басын, тазын, бурзын и др.

Из других фонетических явлений в историческом плане заслуживает внимание следующее:

1. В старокалмыцкой письменности, помимо общего закона сингармонизма гласных, отражен закон гармонии слога. По этому закону согласные **х** и **һ** могли сочетаться только с гласными твердого ряда, а согласные **г** и **к** с гласными мягкого ряда: кэлэку «говорить», но соуху «сидеть», өрөшө:нгуи «милосердие», но хура:нһу «сборник». Этому закону подчинялись и заимствуемые слова: кү:тър «хутор», хаш «каша», Ховъң «Кубань».

Со временем этот закон претерпел существенное изменение. Согласные **х** и **һ** стали сочетаться и с мягкорядными гласными. Это вызвано тем, что при палатализации твердорядных гласных под влиянием гласного и соседнего слога, согласные **х** и **һ** не подверглись ассимиляции: хөрън «двадцать» < хорин, хуръм «свадьба» < хурим, хәрхъ «возвратиться» < хариху, һә «плохой» < һаи, һәрә:дхъ «прыгать» <

нарайидаху, нэръг «дурак» < нариг, гинэд «сказав» < гинэд.

2. Смычный компонент аффикса причастия будущего времени — ку развился в щелевой — х по аналогии с твердоядным — ху > хъ: кэхъ «делать» < кэку, гихъ «сказать» < гэку, подобно хахъ «стрелять» < хаху.

3. Выпадение отдельных согласных целых слогов, вызвавшее изменения слов до неузнаваемости. В словаре А. Соколова и в анонимном словаре читаем: хутуха «нож», урту «длинный», хошхонок «задница», что восходит к старописьменному калмыцкому и общемонгольскому китуһа, урту, хошхоног. В современном калмыцком языке эти слова развились в утхъ, угъ, хошхнъг ~ хошнъг. Число подобных примеров можно увеличить.

4. Ассимиляция щелевого вулярного звонкого һ с переходом в глухой х в результате редукации гласных: харцхъ «ястреб», асхън «вечер», болтха «пусть будет», что восходит к харцаһа, асаһан, болтуһан. Это явление закреплено на письме. В этом плане обращает на себя внимание начавшийся процесс перехода звонкого смычного г, находящегося в окружении глухих согласных, в глухой к, что имеет место, когда невозможно проверить его звонкость: мактал «хвала», иткъл «доверие», эякъ «отец», восходящие к магта:л, итэгэл, эчигэ и др.

Таким образом, если в развитии фонетической системы калмыцкого языка XVII век знаменуется, в основном, образованием долгих гласных за счет стяжения рядом стоящих двух гласных в один, то конец XVIII и XIX века характеризуются завершением образования долгих гласных как за счет стяжения двух гласных, так и дифтонгов, а также образованием гласных э, э:, согласного в и палатализованных согласных л', н', д, т' как особых фонем, дальнейшей редукцией кратких гласных первых слогов, повлекших за собой большие фонетические изменения в потоке речи.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Истоки калмыцкой письменности восходят к началу XIII века. Предки калмыцкого народа, находясь в составе древнемонгольской империи, пользовались общемонгольской национальной письменностью с начала XIII до середине XVII века.

Известный ойратский ученый и просветитель Намкай Джамца Зая-Пандита (1599—1662 гг.) на основе общемон-

гольского письма изобретает в 1648 г. новый алфавит «Тодо үзүг», «создает на базе уйгурской (вернее старомонгольской — Д. П.) свою ойратскую письменность и в короткий срок... кладет начало своей национальной ойратской литературе. С этого времени ойратство как бы отмежевывается от халхасцев и других монгольских народов»,¹ и калмыцкая литература начинает развиваться быстро и самостоятельно.

В нашей работе «К созданию «Тодо бичиг»² показано преимущество старокалмыцкой письменности «Тодо бичиг» по сравнению со старомонгольской «Худма бичиг» с иллюстрацией сравнительной таблицы по этим алфавитам; подробно освещены те стороны орфографии, по которым допущена прямая преемственность с орфографией старомонгольской письменности, обеспечившей совершенство «Тодо бичиг».

В нашем докладе «Зая-Пандита — создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка» на научной конференции, состоявшейся в Элисте в 1968 году, излагаются причины создания «Тодо бичиг», особенности алфавита и графики Зая-Пандиты и исследуется дальнейшее развитие этого алфавита и графики в Поволжье.

В книге «Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика» кратко изложена история калмыцкой письменности. На большом архивном материале показано развитие этой письменности в советское время. Книга содержит составленную нами таблицу алфавитов калмыцкого литературного языка.

В 1925 году взамен «Тодо бичиг» была введена письменность, основанная на кириллице. Последняя была заменена латинизированным алфавитом в 1930 году. В 1938 году Калмыкия вновь вернулась к кириллице. Проект алфавита, представленный Совнаркомом Калмыцкой АССР, рассматривался по докладу пишущего эти строки в Институте языка и письменности АН СССР. Проект был одобрен. Для передачи специфических звуков калмыцкого языка были приняты унифицированные знаки, в рамках русского алфавита: **ä, ö, у, дж, гъ, нь**.

В этом же году был издан подготовленный нами сборник «Алфавит калмыцкого языка на русской основе», в котором, кроме общих и методических статей, были даны краткий свод орфографических правил и пояснительная таблица нового

¹ А. С. Козин. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941, стр. 60.

² Записки КНИИЯЛИ, вып. 2, Элиста, 1962, стр. 109—132.

алфавита. Так как буквы с точками и передача звуков двойными буквами вызывали большие затруднения Народный комиссариат просвещения РСФСР своим приказом № 212 от 19 февраля 1941 года утвердил представленный Советом Народных Комиссаров Калмыцкой АССР проект уточненного калмыцкого алфавита на основе русской графики, где знаки **а, ö, у, дж, нь, гь** были заменены соответственно знаками **э, ө, ү, ж, н, һ**.

Эти уточнения сделали калмыцкую письменность очень совершенной, доступной, а ее алфавит практически очень удобным. В новом алфавите каждый звук получил свое отдельное буквенное обозначение, но увулярный **һ** передавался двояко: в начале слова через **г**, а в остальных позициях — через **һ**. С 1957 года калмыцкие дети, начиная вновь изучать родной язык, стали путать произношение увулярного **һ**, передаваемого в начале слова через **г**, с заднеязычным смычным **г**. В связи с этим Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР от 19 ноября 1959 года, рассматривая ряд орфографических вопросов (применение на письме знаков **э, ө, ү, һ, ж, н**), подготовленных с нашим участием, своим постановлением от 19 ноября 1959 года, решил фонему **һ** обозначать этим знаком **һ** в любой позиции слова: һазр «земля», һэрэ «имя», аһар «воздух», авһ «дядя».

Новый калмыцкий алфавит на русской графической основе своей простотой способствовал быстрейшему приближению орфографических норм к живой народной речи трудящихся масс, содействовал совершенствованию калмыцкого литературного языка. Единство графики, в которой одинаковые звуки калмыцкого и русского языков обозначаются одинаково, играет исключительную роль в осуществлении важнейших задач культурного строительства в Калмыцкой АССР, способствуя лучшему усвоению калмыцкими детьми как родного, так и русского языков. Современная калмыцкая письменность на основе русской графики не только содействует быстрому развитию калмыцкого литературного языка, но и обеспечивает единую основу грамотности на двух языках — калмыцком и русском.

В работе подробно излагаются алфавит, графика и орфография. В калмыцком письме буквы алфавита при любых фонетических условиях обозначают фонемы единообразным написанием во всех их видоизменениях. Наличных знаков калмыцкого алфавита вполне достаточно для передачи имею-

щихся в калмыцком языке основных гласных и согласных звуков.

Калмыцкий алфавит, основанный на русской графике, имеет ряд больших достоинств: четкость, удобочитаемость и различимость.

При определении правил орфографии калмыцкого языка мы исходили из того, чтобы наиболее точно передавать звуковую сторону речи на основе установления правильных соотношений между произносительной и графической нормами языка, с одной стороны, и сохранять единообразия значимых частей слов, как носителей определенного значения, с другой. Соблюдение этих требований обеспечивает легкость и максимальную доступность при обучении грамоте, быстроту восприятия и понимания написанного слова.

Орфография современного калмыцкого литературного языка характеризуется сочетанием ряда орфографических принципов: фонетического, морфологического, традиционного и дифференцирующих написаний. Эти принципы написания оформились постепенно. Роль этих принципов и их соотношение менялись в разные периоды развития калмыцкого языка и установления той или иной графической системы.

Все эти принципы написаний, особенно нефонетических, взаимосвязаны между собой, что обуславливает собой строго последовательную и легкодоступную систему обучения.

Применение указанных принципов письма обусловлено тем, что взаимоотношения между ныне действующей графикой и звуковой системой калмыцкого языка к нашему времени оказались лишенными полного соответствия: на письме обозначаются особыми буквами не все звуки, произносимые в различных фонетических условиях, а только типичные звуки — фонемы. Вследствие этого между звуковой системой и графикой существуют своеобразные взаимоотношения, которые регулируются правилами, обязательными для всех пишущих на данном языке.

Наиболее характерными принципами калмыцкой орфографии являются фонетический и морфологический, которые существуют параллельно на равных правах, дополняя друг друга и взаимодействуя. Наличие их не означает преобладания одного принципа над другим, а органическое их сочетание, ибо, как известно, фонетические законы языка действуют в пределах его морфологической нормы, и, наоборот, морфологические нормы выявляются через фонетическое

оформление. В этом смысле можно говорить о фонетико-морфологическом принципе калмыцкой орфографии.

Основные положения орфографии калмыцкого языка отражены также в виде соответствующих помет в нашем «Орфографическом словаре калмыцкого литературного языка»¹, в котором прилагается краткий свод орфографических правил.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ И ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика, Элиста, 1968 г., объем 15 п. л.

2. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг». «Записки Калмыцкого НИИЯЛИ», выпуск № 7, Элиста, 1969, объем 1,3 п. л.

3. Состав и классификация фонем калмыцкого языка, Элиста, 1963, объем 6,0 п. л.

4. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка «Записки Калмыцкого НИИЯЛИ», выпуск 3. Элиста, 1964, объем 2,0 п. л.

5. О некоторых фонетических особенностях в калмыцком языке «Труды XXV конгресса востоковедов». М., 1960, объем 0,4 п. л.

6. К вопросу о создании «Тодо бичиг». «Записки Калмыцкого НИИЯЛИ», выпуск 2, 1962, объем 1,5 п. л.

7. «Некоторые вопросы языкового строительства в Калмыкии». Журнал «За социалистическую культуру» № 1, 1933, объем 0,8 п. л.

8. К вопросу о терминологии калмыцкого языка. Журнал «За социалистическую культуру» № 7, Элиста, 1934, объем 1 п. л.

9. О развитии лексики калмыцкого языка. Сборник «IV конференция языкового строительства Калмыкии», Элиста, 1935, объем 0,3 п. л.

10. К итогам четвертой конференции языкового строительства в Калмыкии. Сборник «IV конференция языкового строительства в Калмыкии», 1935, объем 0,5 п. л.

11. Алфавит калмыцкого языка на русской основе. Сб. «Алфавит калмыцкого языка на русской основе», Элиста, 1938, объем 0,3 п. л.

12. Грамматическое оформление заимствованных слов в калмыцком языке. Доклад на V языковедной конференции (рукопись), 1939, объем 0,4 п. л.

13. Правила калмыцкой орфографии. Пособие для учителей (на калмыцком языке). Элиста, 1940, 1957 гг., объем 5,8 п. л.

14. Об уточнении алфавита и орфографии калмыцкого языка «Советская Калмыкия» от 20/IX-1960 г.

15. Орфографический словарь калмыцкого литературного языка, Элиста, 1962 г., объем 12 п. л.

16. О неясных гласных калмыцкого языка. «Хальмг үнн» от 27/IV-1963 г.

¹ Павла Д. Чикэр бичлһнэ толь. Элст, 1962 ж.

17. Русско-калмыцкий словарь (в соавторстве), М., 1964 г
 18. Совершенствование орфографии — важная задача. «Советская Калмыкия» от 10/ХП-1965 г.
 19. К вопросу о нормах калмыцкого литературного языка. Доклад на объединенной научной сессии, посвященной 50-летию Великого Октября (рукопись), объем 0,5 п. л.
 20. Краткий словарь общественно-политических терминов (в соавторстве), Элиста, 1968, объем 5,3 п. л.
 21. «Зая-Пандита — создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка». Доклад на научной сессии, посвященной 320-летию «Тодо бичиг». Сб «320 лет старокалмыцкой письменности», Элиста, 1970, объем 1,6 п. л.
 22. Развитие лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов, «Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ», выпуск 7, Элиста, 1969, объем 2,0 п. л.
- Общий объем работ, опубликованных по теме исследования составляет свыше 62 п. л.; всего же соискателем опубликовано по калмыцкому языку 51 работа, в том числе учебники, объемом около 150 п. л.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Калмыцкий литературный язык	6
Диалектная база калмыцкого литературного языка	12
О лексике калмыцкого литературного языка	22

ФОНЕТИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Звуковой строй современного калмыцкого литературного языка

Гласные фонемы	27
Согласные фонемы	33
Сингармонизм	39
Гласные и согласные фонемы в потоке речи	40
Слог и слоговоеделение	42
Ударение	45

К исторической фонетике калмыцкого языка 47

Губная ассимиляция	48
------------------------------	----

Ассимиляция гласного э первого слога слова в ө и ү	50
--	----

О переломе гласного и	52
---------------------------------	----

Долгие гласные	52
--------------------------	----

Развитие дифтонгов в долгие гласные	58
---	----

Об образовании некоторых фонем и о некоторых фонетических явлениях	60
--	----

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Из истории калмыцкой письменности, алфавит, графика и орфография	64
--	----

Перечень опубликованных и выполненных работ автора по теме исследования	68
---	----

**ПАВЛОВ
ДОРДЖИ АНТОНОВИЧ**
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КАЛМЫЦКОМУ ЯЗЫКУ
И ПИСЬМЕННОСТИ.

К — 01511.

Заказ 1102.

Тираж. 200 экз.

Республиканская типография управления по печати при Совете
Министров Калм. АССР.
г. Элиста, Ленина, 245.

